

Сергей Тимофеев

«просто сказка»

Сергей Тимофеев

Просто сказка

«Остеон-Групп»

Тимофеев С. Н.

Просто сказка / С. Н. Тимофеев — «Остеон-Групп» ,

Весьма простая и можно даже сказать бесхитростная история о том, как наш с вами современник, человек, прямо скажем ничем особым не примечательный и ни с какой стороны не выдающийся, некий заурядный турист (грибник-рыболов) попадает в обстоятельства экстраординарные, в самую настоящую сказку, где ему, по традиции, предстоит выполнить три задания. Плюс, по возможности к месту, рекомендуются книги и статьи, которые мне показались интересными...

© Тимофеев С. Н.

© «Остеон-Групп»

Сергей Тимофеев

Просто сказка

© С.Тимофеев, текст, 2019.

© ООО «Остеон-Групп, 2019»

* * *

Быль о том, как добрый молодец в сказку попал и что из этого вышло...

Гроза застала Владимира в лесу. Небо как-то все сразу затянуло тучами. В чаще, и без того темной и загадочной, стало совсем мрачно. Сначала отдельными каплями, а затем все сильнее и сильнее забарабанил дождь. Притихший было лес вдруг ожил, наполнился ровным шумом падающих мириадом капель. Временами из серо-свинцовых туч вылетал огненный трезубец и на миг озарял пространство яркой бело-синей вспышкой. Оглушительно грохотал гром, словно разгневанный Перун решил выместить на ком-то свою неистовую злобу.

Владимир решил немного переждать. Торопиться ему было некуда, до станции рукой подать, да и трястись мокрым в переполненной электричке не очень-то хотелось.

Но дождь, видимо, и не думал прекращаться. Он все лил и лил с прежней силой; казалось, вообще не будет конца этому небесному потоку.

Терпение Владимира истощилось. Обрушивая на себя горы воды с намокшей листвы, он все же направился к станции. Деревья то отступали, то снова выплывали из полутьмы, но лес продолжался и продолжался, хотя Владимир давно уже должен был выйти на Петров покос. От этой большой лужайки, где всегда было много земляники, начиналась тропка, ходьбы по которой до станции – минут двадцать.

«Что за чертовщина», – подумал он. Лес больше не казался загадочным, а превратился в какое-то мрачное враждебное существо с многочисленными глазами и мохнатыми лапами...

Долго мыкался Владимир, пока ему, наконец, не повезло: он наткнулся на громадную разлапистую ель. Пушистые лапы надежно преграждали путь дождю, и ему удалось, сломав несколько нижних лап, развести небольшой костер. Кое-как обсушившись, он настелил оставшийся лапник и, удобно расположившись на нем, стал смотреть на веселые язычки пламени. Невеселые мысли постепенно уходили, монотонный шум дождя убаюкивал, запах свежей смолы одурманивал, он прислонился к теплому шершавому стволу и заснул...

* * *

Вот так, незаметно, и очутился наш герой в сказке. Только он об этом пока не знает. Ну да ничего, скоро узнает... как под елью заговоренною, не попросившись, спать ложиться.

Сказано ведь старыми людьми, людьми бывалыми, охотниками, звероловами, рыболовами, грибниками, а то и просто влюбленными в старину нашу, незримо для суетного глаза сохранившуюся, не каждому показывающуюся: «Попросись». Заблудился-запутал, набрел на пустую заимку, где все для такого случая припасено-приготовлено, попросись. Скажи: «Дедушка-домовой, прими на постой», да поклонись низенько – голова, чай, не отвалится. Положи в укромное место хлебушка да еще какой снеди от ужина – да и спи себе спокойно. И как уходить – приберись чистенько, поклонись, поблагодари за прием ласковый.

То же и в лесу, и на реке – где придется. У дерева разрешения спроси, у лесовика, у водяного, у баенника, у овинника, у полевика... да и у кого там еще, – чисти-нечисти у нашего народа в сказках-сказаниях до скончания веков припасено. Каждому свое место отведено, каждому свое, особое, слово молвится.

Спит пока герой наш?.. Пусть его...

И как только не попадали в сказку. Тут тебе и зеркало чудесное, и ураган, и дверь потаенная за холодильником, и платяной шкаф... Все и не вспомнить. А и не надо. У них своя сказка – у нас своя. Добрая ли? Знамо, добрая. Веселая ли? Ну уж это кому как скажется. Поживем – увидим... Пока же...

* * *

...Проснулся он от веселого птичьего гомона. Легкий дымок еще выбивался из-под крошечных угольков – остатков вчерашнего костерка. Восходящее солнце еще не успело целиком войти в свои права, и в лесу царил сизоватый полумрак. Владимир вылез из-под своего зеленого убежища на полянку и сразу же обрушил на себя целую гору смеющихся капелек – утренний душ. Невдалеке виднелся просвет и, направив к нему свои стопы, Владимир скоро вышел из леса.

Необозримо широкий луг приветствовал его сказочно богатой россыпью цветов-самоцветов, и в каждой чашечке алмазом сверкала капелька росы.

Вдоль леса тянулась дорога с глубоко ушедшими в землю колеями от тележных колес. Неподалеку виднелась деревушка, и Владимир, невольно поежившись от утренней свежести, скорым шагом подался в ее направлении, рассчитывая если не на ранний автобус, то хотя бы узнать дорогу. Но не успел он сделать и нескольких шагов, как едва не наткнулся на старика весьма необычного вида. Нет, ничего особенного в нем не было, старичок как старичок, одежда обычная – потертый пиджачишко нараспашку, тщательно выглаженные ядовито-зеленого цвета брюки-галифе, вот только обут он был вместо традиционных в таких случаях ботинок-сорокоходов или кирзачей в лапти, а по дороге за ним тянулась длинная сеть, густо облепленная репьями, подсохшей тиной и кое-где чешуей.

Дед, видимо, страдавший от отсутствия собеседника, заметил недоуменный взгляд Владимира и не преминул этим воспользоваться.

– Заплутал, значит, милой, – констатировал дед, – ну да сам вижу – заплутал. Ты не печалься особо, здесь многие плутают, не ты первый, не ты последний. Знать, опять лешой проигрался, – и, заметив недоуменный взгляд Владимира, охотно пояснил. – Тут намерен мужики наши видели, белки там, зайцы, лисы, даже лоси, – косяком в соседний лес шли, что твоя рыба на нерест. Вот и выходит, опять наш лешой соседнему в карты проигрался. Так-то он ничего, азартен вот больно. Пармоном звать. Как проиграется, так в лес лучше носа не казать – закружит-заводит, света белого не взвидишь. Настроение дурное срывает на ком ни попадя.

– Я... – Владимир попытался было объяснить, что он и в самом деле заблудился, и что ему бы про автобус до ближайшего города или хотя бы дорогу узнать, до станции, но дед продолжал, очевидно радуясь так удачно подвернувшемуся собеседнику.

– Так вот я что и говорю. Лес он держит в строгости, тут худого слова не скажу, но как помянут его игрой, сам не свой становится. Тут уж лучше по домам сидеть. Вот, старики называют, случай был. Объявился тут мужик. Справный такой, при усах и бороде – все при нем, хоть и пришлый. Сам-с-усам, в общем. Он и говорит: я, говорит, кого хошь куда провожу, да обратно выведу, и никакие лешаки мне не указ. Хотите – об заклад побьемся. Ну вот хоть на корову. Уж больно коровы у вас знатные – у нас таких нету. По чести сказать, нас и коров-то нету, все козы. Я козу и поставлю на кон. Ангорскую. Шерсть у нее – любо-дорого посмотреть. Но только одну. Потому – у меня одна только и есть. И что ты думаешь? Нашлись-таки

непутевые, побились об заклад. Повел он их в лес. Вы, ну, остальным-то говорит, пока заклад готовы, да стол, а мы тут пройдем недалече – болотце тут есть, грибов-ягод там видимо-невидимо – да в обеспечение слов по лукошку ягод да грибов принесем. А Парамон в те поры как раз опять проигрался... Вот я и говорю: повести-то он их повел, да так и бродят где-то с той поры... А может и не бродят, может где осели, кто ж знает? Земли, чай, на всех хватит. Ну да к чести мужиков наших, тех, что остались, они как стол собрали, так и сели сразу, ждать не стали. А коли бы стали...

Дед хотел махнуть рукой, но сеть за что-то зацепилась, и он сердито ее дернул.

– Так-то вот, – продолжал он. – Я, ведь, молодец, испокон веков здесь живу, лучше всех про все знаю. Потому – любознательный. Вот и рыбку половить – тоже очень даже запросто. Пока хозяйка моя по хозяйству – пряхь горазда, лучше ее во всей округе не сыскать – так я на речке промышляю. Али на море... Но больше на речке, далековато до моря-то...

«Вот тебе и раз, – подумал Владимир. – Откуда здесь море? Отсюда до ближайшего водохранилища – сто верст. Да и насчет реки... Что-то не то говорит дед».

Но додумать не успел.

– Пряхь-то, оно, конечно, ничего, да уж больно ругаться любит. Хлебом не корми. И откуда слова-то берутся? Другой скажет два-три, и кончились, а эта как заведет, так как из дырявого мешка, пока места живого не оставит – не остановится. И что самое обидное, – дед хмыкнул носом, – все соседа в пример мне ставит. Тот, мол, не как некоторые, у которых руки в угол смотрят, а завсегда с уловом. Щука там, караси, пятое-десятое... А ты? Хоть бы пескаря когда принес на потеху. А где я ей пескаря-то возьму? – загорячился дед. – Река хоть широкая, да мелкая, в ином месте перейти – штанов не намочишь, а на ямах водяной рыбу баламутит, сети рвет. Море, опять же, большое... А что сосед, так этот Фомка, послушать его, и на долото рыбу удит. Вот недавно учудил. Подался он на море, сети ставить. Не прошло и времени – бежит обратно, руками машет, что твоя мельница. Прибежал, собрал мужиков, рассказывает. «Забросил, говорит, сеть, жду. Ну, попервой ничего не вытянул, врать не буду. Честно сказать, и во второй раз тоже. Ну парочка судачков там пудовых, стерлядки десяточек, так, пустяки. Тяну в третий раз – опять пусто. Что, думаю, за день такой? Видно, придется несолоно хлебавши домой возвращаться. Да только гляжу – прыгает что-то в сети. Карасик. Махонький такой, с ладошку, а хвост у него – во! – Дед, рассказывая, привычным жестом рубанул себя по локтю. – Что, думаю, за диво такое? Дернул за хвост, легонько так, а чудо возьми да как гаркни: «Ты, говорит, хрыч старый, рукам воли не давай. Ишь как дернул – чуть красы девичьей начисто не лишил. Ты коли поймал, так желание загадывай, а не то так дерану... Вишь вон ивняка вокруг сколько.» Глаза навывали, плавники растопырила, кричит, ругается... Ну, говорит, не стал я дожидаться, пока до ивняка дело дойдет, бросил ее в воду – да задал стрекача». Рыба у него заговорила, – фыркнул дед. – И ничего. Как начнет врать, так его слушают, уши развеса. А как меня коснется, так не иначе как Щукарем кличут...

* * *

Сколько им там еще идти, до деревеньки-то? Ну да сколько бы ни было, а мы пока оставим их и возьмем с книжной полки Гоголя.

«Выражается сильно российский народ! и если наградит кого словцом, то пойдет оно ему в род и потомство, утащит он его с собою и на службу, и в отставку, и в Петербург, и на край света. И как уж потом ни хитри и ни облагораживай свое прозвище, хоть заставь пишущих людишек выводить его за наемную плату от древнекняжеского рода, ничто не поможет: каркнет само за себя прозвище во все свое воронье горло и скажет ясно, откуда вылетела птица...» «Мертвые души», том первый. Ни убавить, ни прибавить...

* * *

Так-то вот. А может, не за любовь к рыбалке дедка встречного Щукарем прозвали? Давайте-ка немного пофантазируем. Сами для себя растолкуем прозвище, и не важно, правильно ли, нет ли.

Откроем-ка «Историко-этимологический словарь современного русского языка». Посмотрим... «В этимологическом отношении не вполне ясное слово... может быть, восходит к немецкому слову, означающему «чучело»...»

А теперь словарь Владимира Ивановича Даля, Казака Луганского.

Щука – ловкий человек, пройдоха. Пройдоха – хитрый плут, от которого ничто не уйдет. Щучить – ругаться.

Вот и выходит: дедок-то наш, хоть и одет неказисто, хоть и ругают его все, а сметлив, хитёр по-житейски... Ну чем не дед Щукарь из «Поднятой целины»?

И пусть его, что слово иноземное на самом деле значит «страшилище», «пугать». Ну какая же щука из сказок наших пугало? Она и Емеле помогает, и Ивану-царевичу, и в заговорах русских народных ключи от сундука со словами заветными охраняет... А то что известно оно на Руси с XV века, а распространение получило с XVII – так может быть, прежнее ее название, нам неизвестное, как раз и близко к нашему толкованию?..

* * *

Ну а пока мы словари смотрели, наш герой и встреченный им дед, пришли, наконец, в деревню, на удивление архаичную. Все избы были чрезвычайно аккуратные, словно наметенные срубленные, богато изукрашенные резьбой, какая, как думалось Владимиру, до нашего времени сохранилась разве что в Кяхте, – с изображениями цветов, птиц, зверей невиданных, не похожих одно на другое. Едва ли не в каждом дворе – колодец-журавль, опять-таки отличный от соседних. На улочке же – глядь-поглядь – и тебе куры, и гуси, и утки, и индюки, и козы привязанные, и свинья в луже развалилась, и следы пребывания стада недавние... Яблони, вишни, ветви свои через заборы протягивающие, кустарники всякие-разные – все что угодно, кроме... Кроме следов автомобильных! И гаражей, столь обычных для наших деревень-поселков, к каждому дому, даже плохонькому, прикорнувших – тоже нет! Но не успел Владимир удивиться да подумать, к чему бы это, – дорогу преградило поваленное дерево.

– А это – от Емели опаска, – охотно объяснил дед. – С тех пор как поймал свою щуку, летает на печке как оглашенный, живность пугает. Всем обществом просили – уймись, – не унимается. Молодой еще, непуганый, без царя в голове... Вот и приходится... Ну да вот и он сам, гляди-ка, легок на помине.

Из-за ближайшей избы вылетела печка и, прежде чем Владимир успел рассмотреть ездока, исчезла, оставив после себя клубы пыли, дыма и пряный запах свежих пирогов.

– Ишь, супостат, – восхищенно пробормотал дед.

* * *

Вот так, молодец. Емеля... печка... Столбов нет привычных, с проводами. Ни тарелок спутниковых, ни антенн телевизионных...

* * *

На резном крылечке одной из изб показалась старушка, одетая в украшенный шитьем полушубок и грозно взглянула в их сторону. Из-за спины выглядывало зажатое в руках веретено. Дед втянул голову в плечи и покорно засеменил к избушке, а Владимир, лишившись своего словоохотливого спутника, побрел дальше, не зная толком, что предпринять и как ко всему относиться.

* * *

Что ни говори, а трудновато так-то, с налету, поверить... Во что? В невероятное? Так вот же оно, рядом... Привыкай, молодец, привыкай... А чего привыкать-то? Для таких случаев самое верное – сон. Снится – и вся недолга...

* * *

Но не успел он сделать и пару шагов, как в глаза ему бросилась странная вывеска: «Ямщицкая гоньба. Данило и Гаврило». Вывеска размещалась над крыльцом солидной, кряжистой трехэтажной избы, расположившейся на перекрестке. Чуть поодаль крыльца возвышался невысокий столб с указателями на все четыре стороны: «Киев». Еще один указатель с надписью «7 верст» был направлен вверх. Рядом с крыльцом висели картины, писанные маслом: ступа во главе журавлиного клина; Садко на носу ладьи, почему-то с гармошкой вместо гуслей; богатые сани-росшевни на фоне колосющихся овсов. Было еще одно изображение, неоконченное, какое-то странное существо среди облаков, напоминающее свинью с крыльями, и слова: «Нехай щастить». Внизу каждой картины стояла подпись, по всей видимости, художника, – ВАКУЛА.

«Будь что будет», – решил Владимир и зашел в избу.

Две двери вели из сеней внутрь. На одной висела табличка «ДАНИЛО И ГАВРИЛО», на другой – «ваня». Первая дверь была чуть приоткрыта и из-за нее раздавались возбужденные голоса. Владимир осторожно заглянул. Всю стену против двери занимали массивные счеты с не менее чем килограммовыми костяшками, которые старательно передвигал какой-то мужик, по всей видимости один из братьев. Второй стоял рядом и что-то неторопливо, размеренно говорил. Рядом со счетами притулилась лестница, чтобы двигать верхние костяшки. Пол был устлан богатым персидским ковром, на массивном дубовом столе возвышалась на вид полуметровая статуя Пегаса, с почти таким же размахом крыльев. Под потолком висел деревянный орел, весьма приблизительно вытесанный из дерева. Судя по тому, что костяшки были сдвинуты лишь на нижней поперечине, дела у «Гоньбы» если и шли, то шли неважно.

– Опять же овес учти, – пробормотал сидевший мужик. – Овес нынче дорог.

Второй, крикнув, потащил было отодвинутую влево костяшку опять вправо, но вдруг остановился.

– Погодь-ка, – почесал он затылок. – А ежели ковром-самолетом, а?

– Тогда пижму разводить надоть, от моли.

– От моли, кажись, ноготки надоть, а пижма – она от мух...

– От мух – росянка да пауки...

Не желая мешать, вздохнув, Владимир отправился к «ване».

За массивным столом красного дерева, на котором разместились кринка свежего молока, кипа свежей бересты, письменный прибор из малахита и самовар, восседал дородный детина с

рыжеватой шевелюрой. Одет он был в богато расписанную рубаху навыпуск, атласные штаны и громадных размеров лапти. Еще в комнате присутствовал изукрашенный изразцами камин, на котором были в беспорядке разбросаны для просушки онучи. На стене позади детины красовалось светлое пятно.

– Шкуру медвежью собираюсь тут повесить. Вот только в лес собратся никак – дел невпроворот. Далеко ли путь держим? – как-то безразлично спросил дети́на и пододвинул к себе кусок бересты.

– Да я... – замялся Владимир, не зная что сказать. И тут же нашелся. – Мне бы в город... – И сразу добавил: – В столицу.

– В Киев, значитца, – протянул дети́на и нехотя встал. – Ну, пойдем.

Позади к «Гоньбе» приткнулась конюшня. Несмотря на слова Ивана о невпровороте дел, замок ворот был слегка тронут мхом. Иван пнул дверку рядом с воротами, они вошли и остановились против двух великолепных коней золотистого цвета с пышными, ниспадающими едва ли не до земли гривами.

– Эвона, – откровенно любуясь конями, сказал Иван. – До Киева любой – десять гривен. Как прибудешь – отпускай, обратно сам домчится. Ну, конечно, ежели найдешь кого-нибудь к нам... Тогда одну гривну себе оставишь.

У Владимира десяти гривен не было. Он ломал голову, как получше выбраться из сложившейся ситуации, но тут за яслями кто-то зашевелился, и Владимир понял, что те два отростка, которые он поначалу принял за прислоненные метлы, оказались на самом деле ушами.

– А на этом можешь ехать бесплатно, – угрюмо проворчал Иван. – Только я бы не советовал. Хлебнешь горяшка.

Владимир заглянул и увидел самого-пресамого настоящего Конька-Горбунка, на спине с двумя горбами да с аршинными ушами, настороженно косившего на него черным глазом.

– Иной море перейдет, порты не намочит, а иной – посреди чиста поля в репьях, – продолжал между тем Иван. – Ничего не могу сказать – и умен, и говорлив, и обязателен, со всеми знаком, со всеми за ручку... или что у него там?... а как за ворота – так тут тебе и пожалуйста... Да что там далеко ходить: вот, давеча. Повез одного молодца в Киев, ну, как тебя, да и оказался под Черниговом. Как – ума не приложу. А там как раз Илюшенька с силой поганой разобрался. Ну и попали под горячую руку... Оба...

Но Владимир не слушал, он во все глаза смотрел на Конька. Точь-в-точь как тот, которого он однажды видел в детстве, когда мама повела его в игрушечный магазин. Там был почти такой же, только плюшевый, но все равно очень красивый. Бурой масти, с пышной гривой и хвостом, с огромными, черными, очень живыми глазами. Но денег у мамы на такой подарок не было... Лучше бы уж не брала его с собой. Сколько ночей потом снился ему Конек!.. Сколько слез тайком было пролито!.. Ну скажите, положи руку на сердце, ну разве мог Владимир поступить иначе?..

– Согласен! – радостно воскликнул он.

– Ну, тогда по рукам, – покровительственно произнес Иван. – Договор писать не будем, слово надежнее, так чего зря бересту переводить?..

...и не прошло и получаса, как уже бодро пылил по дороге, гордо восседая на Коньке. Ехать же на нем было удобно до чрезвычайности – словно в мягком начальственном кресле.

Горбунук оказался, правду сказать, на редкость болтливым.

– Как величать-то тебя, молодец? – спросил он, едва миновав крайнюю избу.

– Владимиром.

– Красным Солнышком, значит. Как и нашего князя. Вот ежели б тебя звали Иваном, тугонько б тебе пришлось. У нас ведь что принято? Как Кощей девицу сворует, али там к Бабе Яге съездить, али Горыныч не особо озорует – Ивана непременно посылать требуется. Ну, то

есть как Ивана? Это ежели Добрынюшка в отъезде, – тот против змеев большой дока. А вот на Соловьев, тут больше Илюша мастер. Да только где ж ему всюду-то успеть? Там, глядишь, рать объявилась, опять же нечисти всякой-разной развелось... Алеша же, он... кхм... хоть и из первых богатырей будет, а тоже по большей части занят... А царевичей возьми, так те больше к Кощею ездят. Да только проку большого тут нет: добудут себе какую царевну, полцарства там, да на печь, править. Вот наемни Горыныч у нас неподалеку объявился. Уже с десятков Иванов к нему биться отправились, да так без следа и сгинули, съел, видать, или еще чего. Мой-то, видел, какой злой ходит? Скоро его жребий ратью идти. Всего-то и надежды у нас на Владимира-князя, – может, подсобит каким воином знатным, Вольгой Святославичем, Михайлом Потыком, Ставром Годиновичем, или еще кто заезжий под рукой окажется...

Дорога тянулась, Конек баял, время шло, солнышко, припекая ласково, плыло по небу синему, чистому, и тут...

Земля сотряслась, да так, что Владимир едва не свалился. Нечто подобное туче пронеслось над ними, опустилось впереди на дорогу, – земля опять содрогнулась, – и исчезло с глаз.

– Илюшенька поскакал, – заметил Конек, предупредив вопрос Владимира. – Слыхал, небось, как в народе говорят: чуть повыше леса стоячего, чуть пониже облака ходячего. Жаль, не догнать – куда мне против его коня... Хоть бы в Киев подался, глядишь, и окажет помощь беде нашей, а то жалко Ивана. Он хоть и непутевый, да свой.

Владимир подосадовал на себя: не успел ничего разглядеть, а ведь может быть больше и не доведется встретиться. Но тут их догнала печка. Самая обыкновенная русская печь. Без мотора и парусов. Без колес. В общем, без ничего, что могло бы приводить ее в движение.

– Почто не торопитесь? – спросил Емеля.

Ну вот уж этого персонажа Владимир рассмотрел хорошо. Черные кудрявые волосы, столь же черные с хитринкой глаза и, вместе с тем, простецкое мужицкое лицо, ничем особым не выделяющееся, вот разве что веснушками. Мягкие сафьяновые сапожки, под стать самому князю, да холщевые портки, туго перетянутые в поясе атласным кушаком. Дранный полушубок, поверх опять же атласной, шитой золотом рубахи. На голове лихо заломленный лисий треух. И полное блюдо румяных пирогов под рукой.

– Торопиться – лихо нажать. Тише едешь – дальше будешь, – ответил Конек. – Далеко ли путь держишь?

– Да вот, порешил на Лукоморье податься, – Емеля лениво почесался и взглянул на Владимира. – К коту.

– Сказки слушать? Чего ж и не послушать... Всего и забот-то: лежи себе на печи, да ешь калачи... Вон ряху какую наел, в ворота не пролезет... – добавил Конек тихонько.

Емеля от возмущения приподнялся и сел.

– Нет, вы только послушайте, люди добрые! – заявил он, имея в виду, очевидно, самого себя, что тут же и подтвердил: – Ну, и ты, мил человек... Что Щукарь наплел, про то всем ведомо, а как оно на самом деле было, никто и знать не хочет.

– А как оно было на самом деле? – не удержался Владимир.

– Вот послушай. – Емеля поерзал, устраиваясь поудобнее. – В вершу он попал, еще таким вот... – Он по привычке раскинул руки как можно шире, потом спохватился и спрятал левую руку за спину. – Вот таким... – Показал он растопыренные большой и указательный палец правой руки. – Щуренком... Ну что с ним таким делать? Я его и так выбросить хотел, а он возьми да и скажи человеческим голосом: «Ты меня от гибели верной спас, не могу я в долгу оставаться, потому – не простая я рыба, а волшебная. Только маленькая еще, на многое не способная. Ну да подрасту, подучусь. Ты желание загадай, да меня добрым словом помяни – тут тебе все и исполнится. Ну а теперь, давай, пускай меня в воду, и смотри, поаккуратнее, опять в вершу свою не угоди попасть». Посмеялся я тогда, бросил его в воду и пошел себе. Знать бы где упасть... Поначалу-то я об нем и не вспоминал. Однажды только. Дровишек надо было по

зиме домой привезти. Нагрузил я сани, да и вспомнил нехстати про рыбешку. Ну, про то, что «ступайте сани домой сами», – все слышали, а вот про то, что надобно впереди саней идти да дорогу им указывать... Только это я уже позже понял, когда в сугробе чуть не с головой завяз... И пошло с той поры, не одно – так другое. Подрасти-то он подрос, а ума-от не нажил, может, об лед когда крепко стукнулся или еще что... Печь вот эта сколько дров требует, – не напасешься, все руки в кровь стер... – Он внимательно осмотрел свои широченные ладони без единого мозоля. – В общем, житья не стало. Как помянешь его добрым словом, так все и сбудется – вкривь да вкось. Вот надясь, пришел на реку и вижу – стоит, щучина, посреде кувшинок. Эх, думаю, вот бы оглоблю подлиннее, я б тебе показал... Не успел подумать – вот она, в руках. Жаль, думаю, никто не видит, как я тебе сейчас за всю помощь твою... Размахнулся, ка-а-ак дам!.. И ведь забыл совсем, о чем подумал. На беду, сосед позади проходил. Ему и дал... Разодрались... Вот и решил я – на Лукоморье. К коту. Тот по рыбьей части большой дока. Глядишь, присоветует чего... Ну, бывайте здоровы, авось и свидимся еще. – Емеля хлестнул печку березовым веником и разом умчался, как и при первой встрече оставив после себя клубы пыли, дыма и запах пирогов.

* * *

Вилась себе дорога, петляла по лугам да перелескам, а как смерклось, вызвездило, месяц – бараны рожки на небо чистое взошел, юркнула в темный лес и скрылась с глаз. Обступили дорогу сосны-ели, дубы вековые с неперменными дуплами чуть не в человеческий рост распростирали ветви саженные, а березки, приветливые при свете дня, отвернулись, нахмуренные-насупленные. Сбиться со стежки казалось немудреным, но Горбунку она была, по-видимому, знакома как пригоршня овса.

– Прикорнуть бы, – жалобным голосом произнес Конек. – Я, чай, не ковер-самолет, а дорога неблизкая. Отужинать.

– Чем? – удивился Владимир. Он совершенно забыл о переметных сумках, которые заботливо приготовил им на дорогу Иван.

– Как это чем? – в свою очередь удивился Горбунок. – В лесу да голодным спать ложиться?.. А грибы, а ягоды, а мед?..

Владимир не нашелся, что сказать. Он вдруг почувствовал, что у него и впрямь слипаются глаза – усталость да необычность происходящего, впечатления сверх короба брали свое, и он, отказавшись от ужина, прикорнул на мшанике, взяв предварительно с Конька слово разбудить его пораньше или при случае.

А случай не заставил себя долго ждать. Не успел Владимир задремать (как ему показалось), как Конек принялся толкать его копытом.

– Что?..

– Тише, – ткнулся Горбунок ему в ухо мягкими влажными губами. – Ти-ше!.. Не ровен час, станичники пожаловали. Вона, глянь, только с опаскою!..

Среди деревьев и кустарников, далеко ли, близко ли, горел огонек. Невеликой такой, ровно светляк зажег.

– Не было, не было, – бормотал Конек, – а тут разом и полыхнуло. Коли папоротник расцвел, так это еще полбеда, а вот коли разбойнички лихие пожаловали – так тут и вся беда.

Какой-то папоротник, захотелось поначалу спросить Владимиру, август на дворе. А папоротник, если и цветет, так на Иванов день, в начале лета, двадцать четвертого июня по старому стилю, или когда там его во времена князя Владимира праздновали? Да и праздновали ли вообще? Или у них, в сказке, свой календарь, ни на какие другие календари не похожий?.. Или идет здесь все своим чередом, другим порядкам заповеданным?.. А огонек-то не мерцающий, не похожий на костер...

* * *

Пусть пока герой наш крадется себе к огоньку, а мы опять отвлечемся. Непростой вопрос задал он, ох, непростой. Хотя бы потому, что каков был календарь наших предков до того, как Русь велением князя приняла христианство, мы не знаем. По принятии же веры введено было сразу и церковное, и гражданское; первое начиналось с 1 марта, а второе – с 1 сентября. Откроем Повесть временных лет или ранние летописи: Нестор и неизвестные летописатели начинают год со дня Пасхи, счет же ведут и числам месяцев, и дням недели, и праздникам. Это было причиной спора о начале года на соборе в Москве, в княжение Симеона Гордого, при митрополите Феогносте, и собором определено (1348 г.), чтобы церковный и гражданский год считать с сентября. Спасибо Вам, Терещенко А.В., за подсказку в томе третьем «Быта русского народа» (Санкт-Петербург, 1848 г.).

Что же касается праздника, тут попроще. Купало – летний бог, и праздник ему отмечался славянами в день летнего солнцестояния. Густинская летопись, составленная на Украине в первой половине XVII века, среди прочих славянских идолов именует его «богом обилия». Впрочем, относиться к ее сведениям следует с осторожностью и поискать источники понадежнее.

* * *

Это было оно!.. Торчавшее из расщелины пня. Ослепительно сияющее, сделанное, казалось, и впрямь из чистого золота, но необыкновенно легкое, прекрасное, как весенний луг, перо Жар-птицы или, как подумалось Владимиру, рассматривавшему его, но никак не решавшемуся взять в руки, какого-нибудь огненного павлина. Размером приблизительно с гусиное. «Цены ему нет на поплавок при ловле ночью», – почему-то подумалось Владимиру. Он все же осторожно протянул руку, и тут кто-то неожиданно ткнул его под локоть из-за спины.

– Ма-ма!.. – прошептал Владимир сбившимся голосом, машинально схватил перо и взвился в воздух на добрую сажень.

– Ря-я-ту-у-йте-е-е!.. – заорал кто-то сзади и тоже подскочил.

Ночной лес ожил. Заохотало, заухало со всех сторон. Послышался треск ломающихся ветвей, кто-то или что-то свалилось с ближнего дерева, закачались ветви, раздался кустарник. Дунул Владимир во всю мочь, не разбирая дороги, подальше от пня этого, от полянки, только пятки засверкали, а за ним – точно гонится кто-то, протягивает лапы кривые, когтистые, вот-вот догонит, завывает голосом жутким: «Сто-о-о-й! Верни-и-и его-о-о-о!..»

И, как это обычно бывает, зацепился за корень и со всей мочи грохнулся оземь. Преследователь, запнувшись за Владимира, кубарем покатился в траву. И, конечно же, это был Конек.

– Что... это... было?.. – еле смог спросить Владимир Горбунка, сердце которого бешено колотилось, дыхание сбилось, а душа, ушедшая в пятки, не торопилась покидать свое убежище.

– Где?.. – только и спросил также запыхавшийся и испуганный Конек.

– Ну... там...

– Да никого не было, кроме нас...

– А кричал да завывал кто?..

– Так мы же и кричали, и завывали...

– А чего ж ты...

– Чего, чего, – вздохнул Конек. – Не утерпел ждать, вот чего. А потом упредить хотел. Чтоб не брал. Не к добру оно. Али не слышал, что с моим Ванькой-то приключилось? А вот меня б послушался...

Но Владимир, буркнув про себя: «Как бы не так!», бережно спрятал находку между билетом Московского общества «Рыболов-спортсмен» и записной книжкой.

* * *

Утро застало их все еще в лесу. Наскоро позавтракав тем, что заботливо положил им Иван и умывшись в лесном ручье с хрустальной, очень холодной, но очень вкусной водой, Владимир и Конек продолжили путь и трусили по лесной дороге (если быть точным, то трусил Горбунок, а Владимир сонно глазел по сторонам), пока не очутились неподалеку от странного дерева, стоявшего чуть особняком. Могучий вековой дуб, с гнездом вместо верхушки, сложенным из толстенных бревен и деревьев, вырванных аж с корнем. Посередине ствола, от гнезда до земли, проходила здоровенная трещина, образовавшаяся, по-видимому, совсем недавно.

– И что же за птица здесь живет? – удивился Владимир.

– То не птица, а Соловей, – отозвался Конек. – Кабы не Илюша, пришлось бы круг делать, стороной объезжать. А Илья – тот до них строг. Как услышит, где безобразничают, сразу туда. Одолеет, проучит по заслугам, да в Киев, князю везет. Потом, правда, отпускает. Их, Соловьев-то, мало осталось, беречь надоть. Князь даже книгу завел, красным атласом перебил, записывает, где какой водится, для учета. И для порядку кольца княжеские выдает, чтоб носили, не снимая. Ну, и чтоб отличать, который новый объявился, а который нет. Вот только Соловьи эти, по складу характера своего, редко унимаются. Ну да Илюша по второму разу не спускает. Он что делает? Для Соловья первое дело – посвистеть, они тем друг перед дружкой и выхваляются. Тут всех важнее курские. Так Илюша им по глиняной свистулке выдает, для позору. Кому на год, кому на два, кому еще на сколько – в зависимости от провинности. А кто откажется да взъерепенится – того в поруб, басни слушать...

* * *

Дорога разошлась в две стороны. На большущем камне, густо поросшем мхом, едва угадывались стрелки и надписи «Лукоморье», «Киев» и «7 верст». Последняя стрелка указывала в небо. Судя по всему, камень пользовался чрезвычайной популярностью у ворон.

Конек, на что-то засмотревшийся, едва не налетел на него.

– Понаставили, проезду не стало, – обиженно запрядал ушами Горбунок, сворачивая налево.

– А кто? – поинтересовался Владимир.

– Да в народе разное говорят. Кто бает – волхвы, кто – лесовики, а кто – княжьи люди. Вот проку в этих камнях никакого. Все равно по их указаниям никто не ездит, каждый свою дороженьку знает, – ответил Конек и внезапно остановился. Прямо перед ними на дороге ясно просматривался след куриной лапы устрашающих размеров – около двух аршин в длину. А тут еще где-то неподалеку пронзительно верещала сорока, да большой иссиня-черный ворон пролетел над ними, угрюмо каркнув: «Кошмар-р-р».

– Ой, беда, беда, – запричитал Конек. – Только этого нам и не хватало. Не одно лихо – так другое. И что же нам теперь делать?..

– А езжайте далее без боязни – избушка давненько пробежала, с полдня будет, – раздалось откуда-то сбоку.

Владимир обернулся. Рядом стоял невысокий старичок с пышной седой бородой, одетый в простую, без вышивок и украшений, полотняную рубаху, без пояса, сероватого цвета и такого же цвета порты. Обут в обыкновенные лапти. А в руках то ли посох, то ли обыкновенная палка – не разберешь. Вот взгляд был необычен – сама доброта.

– Спасибо тебе, старичок-лесовичок, – весело крикнул Конек и потрусил дальше.

Обиделся Владимир. Ему так хотелось поговорить, порасспросить – все в этом мире сказки представляло для него интерес. Конек, понятно, перевидал здесь всех на своем веку. Ну да что там говорить...

– Не печалься, – Горбунок словно мысли читал. – Это я так сказал, что лесовичок. А в народе бают: чертов дед. Али попросту леший. Али еще кто. Коварный народец. Сегодня помог, а завтра, глядишь, в болото заведет, заплутает – не выберешься. Пуще же всего мороку любят насылать. Идешь по лесу, кличешь, а он тебе из разных мест отвечает. Обморочит, заведет да бросит. Бывает, конечно, наоборот, из чащи выведет, грибов, ягод на обратном пути понаставит, а коли глянешься, то и желание исполнит. Да только все больше морочит...

А лес тянулся и тянулся. Сквозь тесно переплетенные сучья и пышные кроны пробивались клочки голубого неба. Почти не слышно было птиц, лишь изредка перекликались между собой вороны да ронжи. Вдоль дороги густо разрослись громадные папоротники, цветущие, как известно, лишь раз в году – на Ивана Купалу – ослепительно красивыми цветами. Тут уж не зевай: кто сорвал цветущий папоротник, тому покоряются все клады земные, любой замок отомкнет волшебный цвет. Росли также разрыв-трава, плакун и еще бог весть какие колдовские растения. Все это объяснял Конек, чтобы хоть как-то скрасить путешествие...

* * *

Увы, хоть и появляются время от времени сообщения из всяких-разных садов-питомников о том, что зацвел у них папоротник, и даже обещают предъявить его на всеобщее обозрение со дня на день, но обещания так и остаются обещаниями. А ученые в один голос утверждают – не цветет папоротник никогда, ни в Иванову ночь, ни в какую-либо другую. Потому – относится он к тайнобрачным растениям, размножающихся спорами. Так откуда же взялась в народе эта легенда?..

Дадим волю своей фантазии, пусть расправит крылья. Есть в наших лесах два вида папоротника – узовник и гроздовник. Непросто найти их – прячутся они от взгляда человека. Редко находят их. И есть у этих папоротников лист особый, вытянутый, с бутончиками, в которых хранит он свои семена-споры, напоминающий по виду побег с цветками. И цвета подходящего – бурого. Чем не источник легенды об огненном жар-цвете, в полночь раскрывающемся из уголька или человечка прыгающего? Но не нашлось смельчака, вызов силе нечистой бросившего, вот и сгорел цветок, опал, оставив после себя лишь палочку-уголек... Ну а про то, что гроздовник да узовник в народе по-иному кличут – волшебной разрыв-травой, про то вспомним, когда время придет...

* * *

– ...Семь верст до небес, да все лесом – это про муромские сказано. Гиблые места, сплошные болота. А все ж находятся, не смельчаки – сребролюбцы, которые туда за богатством ходят. Мало кто возвращается с золотом, да и те молчат, как добыли. Говорят, счастьем своим за золото платят, молодостью, любовью, а кто не согласится, передумает, так там и остается. Может, и неправда это...

– Далеко еще до Киева? – спросил Владимир.

Насколько ему было известно из былин, где-то там обитали могущественные колдуны, волхвы-книжники, которые могли бы вернуть его назад из сказочного измерения. Хоть и хотелось подольше остаться здесь, посмотреть, пожить, но ведь спохватятся, искать будут: шутка ли сказать – человек пропал. Впрочем, существовала и иная причина: поднадоел этот угрюмый лес да однообразная дорога.

– Далече, – просто ответил Конек, не пускаясь, вопреки обычаю, в длинные рассуждения.

И тут, справа от дороги, обнаружилось громадное дерево с громадным дуплом.

– А здесь вход в иные царства: Медное, Серебряное, Золотое, Хрустальное да еще не помню уж в какие, – скосил глаз Горбунок.

И Владимиру вдруг страшно захотелось хоть одним глазком взглянуть на эти царства – ну прямо мочи никакой нет.

– Горбуночек, миленький, – взмолился он. – Пожалуйста, давай посмотрим, хоть немножечко, и сразу назад. Ну давай, а?

– Ох, не лежит у меня сердце к такой забаве, беду чувствует, – вздохнул Конек.

– Да что с нами может случиться? У меня и фонарик есть, – с этими словами Владимир достал записную книжку, выхватил из нее перо Жар-птицы и поднял над головой – лучами солнечными озарило оно мрачный лес...

* * *

...Нет, не Владимир случайно выпустил перо из рук. Словно шепот прошел по лесу, склонились вековые дубы, зашумели грозно корявыми сучьями: кто-то дерзновенно посмел нарушить их покой. Резкий порыв ветра вырвал перо, и оно исчезло в дупле, словно и не было его. Владимир застыл. Он потерял единственное доказательство своего необычайного приключения. Что же теперь делать? Чем похвастать перед друзьями-приятелями? Коснулась его крылом птица-обида, да что там коснулась – правду сказать, – клювом, да по темечку.

Конек вздохнул, видя его столь горестное состояние, и принялся осторожно приближаться к дуплу. Приблизившись, он, со словами: «Ну, держись!..», прижал уши и прыгнул во мрак.

Полыхнули в стороны летучие мыши, корни так и норовили хлестнуть по лицу; Владимир зажмурил глаза, одной рукой крепко вцепился в гриву, а второй принялся махать, стараясь отвести ветви, один раз, случайно схватившись за что-то, едва не вылетел из седла, но, в общем-то, даже не успел заметить, как оказался на твердой поверхности.

– Это и есть Медное царство? – разочарованно спросил он, оглядевшись. – А я-то думал...

И действительно, их окружал обычный пейзаж среднерусской полосы, а над головой, словно бы в издевку над здравым смыслом, ласково светило солнышко.

– Это и есть, – спокойно подтвердил Конек. – Вон, видишь гору и стену на горе? За той стеной все медное: и терем, и трава, и деревья. Даже стражники там медные. Ну, подались, что ли? Авось подскажут, как отсюда выбраться.

– Погоди-ка, погоди... Так ты не знаешь обратного пути? – удивился Владимир.

– Небось не каждый день здесь бываю. Редко когда кто сюда просится, а вот обратно, ежели не помогут... – Конек не договорил.

Гриб боровик, росший рядом с пеньком, возле которого они стояли, принял облик маленького старичка, вскарабкался на пенек и, сняв шляпку, поясно поклонился Владимиру.

– Добрый путь, свет Иван-царевич, давненько тебя ожидаем. Вишь, какая беда у нас приключилась, – начал он.

– Да не царевич он, и даже не Иван, – довольно бесцеремонно вмешался Горбунок.

Старичок удивленно посмотрел на него, на Владимира, дернул себя свободной рукой за бороду, затем, видимо обидевшись, со словами: «Извините, ошибся», надел шляпку и пропал.

– Ну зачем же так, – укоризненно произнес Владимир. – Все-таки пожилой человек...

– Да кабы я не вмешался, он бы службу попросил справить. Ведь предупреждал же, – непокой жароптицыным пером накличешь. А коли царевна пондобилась, так и наверху есть из кого выбрать. А то и по старинке: лук, стрела, честным пиром да за свадьбу.

Из этого Владимир понял только, что за службу ему полагалось, как это обычно бывает в сказках, полцарства и царевна.

– Какую службу? – поинтересовался он. – А то, может, и справились бы...

– Что я тебе, волк, что ли, службы служить? Через заборы всякие лазить да обращаться во что ни попадя? – буркнул Конек. – А служба у них у всех известная – поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Ну, в том смысле, что ничего толком объяснить не могут. Вот послушай, что люди говорят.

Случилось, что задумал царь Харитон сына своего младшего, Ивана, женить. А тот, правду сказать, ленив был. С печки на полати перелезть – и то труд великий. Но и царь оказался настойчив – так пристал, что стало Ивану пуще смерти на печи лежать. Вот и отправился он в путь-дороженьку, все как полагается. Волка встретил... Тут и попался им старичок-грибовичок. Такого понаплел – на коне не перепрыгнешь. А Иван и рад слушать, уши развеса. В общем, согласился он сослужить службу старичкову. Как раз пойти туда, не знаю куда, принести то, не знаю что. Сколько они с Волком по лесам шастали – про то сказка ведаёт, да только нашли они наконец избушку Бабы-Яги. Та встретила, как полагается, напоила-накормила, в баньку сводила, а потом уж и о деле. «Знаю, говорит, что тебе надобно. Есть это у меня – конь особый, богатырский. Только за него отработать надобно. Пастухом. Тридцать лет и три годика с четвертью». «Да ты что, старая, ошалел царевич, не царское это дело – лошадей пасти». Ну, в общем, до утра рядились и сговорились на десяти гривнах. Вышли на двор, подводит его Баба-Яга к сараю на курьих ножках, отворяет и говорит: «Вот он, конь богатырский. Забирай и ступай себе с миром». Глянул царевич – батюшки-светы! Вырезан конь из дерева черного, с крыльями, а из богатырского у него – только размер. Хотел он было отказаться от уговора, да глядь-поглядь, нет ни избушки, ни сарая, одно чудо это деревянное осталось.

Делать нечего, корячились-корячились они на пару с Волком, но доставили-таки требуемое к старичку-грибовичку. А тот глянул и сморщился: «Такого, говорит, и желал видеть, но только без крыльев. Обмишурился ты. Попробуй еще разок».

Очень не хотелось Ивану к Бабе-Яге возвращаться, однако ж пришлось. Сторговались на этот раз на пятнадцати гривнах, и получил Иван кафтан атласный, золотом расшитый. Только старичок опять заупрямился. «Такой, говорит, хотел, но только с пуговицами перламутровыми. Не способен ты, говорит, к поручению этому, дам тебе задание попроще». И приводит его на поле, а в те поры, надо сказать, как раз страда завершалась... «Где-то здесь, говорит, – и поле сжатое со стогами да копнами ручкой так обмахнул, – Кощей иглу потерял...» Тут уж Иван не стерпел и дослушивать не стал. Схватил орясину, что под руку попала... Чуть не день грибовичка того промеж стогов гонял...

* * *

Впрочем, чего жалеть прошлогоднего снега? Старичка-то давно и след простыл. А вот гора – гора осталась во всей красе, прямо посреди равнины, окруженная лесами, частью и сама поросшая. И откуда она взялась здесь такая? Ровно созорничал кто, насыпавши. А где-то там, на самой вершине ее, смутно угадывалась крепость. Да так высоко, что, казалось, подпирают ее башни небо синее, а редкие облачка плывут у самого основания стен. К крепостице, петляя, вела дорога, отсюда казавшаяся ухоженной, торёной. Но это только отсюда. А вблизи...

Традиционно разбитая телегами, заваливаясь то вправо, то влево, где отсвечивая залысинами песка, а где – ежиками торчащей вкривь и вкось колючей растительности, зияя ямами и неожиданно вставая на дыбы кочками петляла дорога по склону, обозначенная с обеих сторон... Поначалу Владимир не поверил своим глазам, а затем недоумение его сменилось веселым удивлением. На жерди, чуть выше человеческого роста, висело как будто днище от бочки, с приблизительным изображением трехголового огнедышащего змея черной краской на жел-

том фоне. Изображение окаймлялось красной полосой, и такой же красной полосой было перечеркнуто наискосок. В общем – дорожный знак «Змеям запрещено». Чуть далее висел знак «Бабе Яге прохода нету», еще далее – «И Кощеям тоже нету», «Коврами-самолетами не пользоваться», «Сапоги-скороходы тут сымать». И еще множество, разгадать смысл которых было не так-то просто. Ну, скажем, сторбленная бабушка с клюшкой могла означать «Поворот дороги», но что, скажите на милость, могло означать изображение, как показалось Владимиру, зайца с фингалом под глазом? «Бесплатный проезд запрещен?»...

* * *

Ну, пусть себе поднимаются. Мы же задумаемся, откуда могла взяться посреди ровного места гора? Да просто пришла. Не верите? Улыбаетесь? Тогда возьмем «Книгу Марко Поло», к примеру. И узнаем, что «в 1275 г. по р.х. в Бодаке [Багдаде] был калиф и ненавидел он сильно христиан; днем и ночью раздумывал, как бы обратить всех христиан своей страны в сарацинов, а не то перебить их всех». И вот ведь что удумал злокозненный правитель. Узнал он, что в одном из евангелий говорится, «если у христианина веры с горчичное зерно, так по его молитве к господу богу две горы сойдутся». Вот и повелел устроить испытание на предмет горы с условием: что ежели не сдвинут они гору, то быть им всем либо обращенными в иную веру, либо обезглавленными, по выбору. И гору указал самую большую из тех, что рядом находились, чтобы не ходить далеко самому. Сроку же дал десять дней. И вот пробил назначенный час. «...Собрался на равнине весь народ, христиане и сарацины, стал тут башмачник на колени перед крестом и простер руки к небу; много молился он спасителю, чтобы гора та сдвинулась и не погубило бы жестокою смертью столько христиан. Кончил он молиться, не прошло и получаса, гора тронулась и стала двигаться...» Не убеждает? Красиво не соврать – правды не сказать? Тем более, что европейцы знали о странах азийских во времена Марко Поло? Мог и приукрасить итальянец свое повествование. Допустим. Ну а как же тогда быть с Николаем Владимировичем Ханыковым, русским востоковедом, исследователем Средней и Передней Азии? Читаем в «Описании Бухарского ханства» (1843): «Я знаю по крайней мере десятков гор, которые мусульмане заставили притти от окрестности Мекки; таковы, например, гора Савалан в Азербайджане и гора Чупаната у Самарканда». А вы говорите – не бывает. Вера горами движет... (Тем же, кто не поверил, можем сказать – цитаты правильные, слово в слово. Что же кроется за ними – поверьте, маленькое литературное исследование стоит того, чтобы им заняться. А приведет оно ум пытливым и к Лескову, и к отреченной русской литературе, и к Феофану Прокоповичу, и в Александрию Египетскую, узнаете, кто был тот башмачник... Но чу...)

* * *

...пока мы по книжки листали, наши путешественники достигли стен крепостицы. Без приключений достигли, почти без приключений. Почти потому, что в царстве этом подземном тридевятом не только реки молочные текут промеж кисельных берегов, как поведал Конек (что могло оказаться преувеличением), но и облака из пломбира (что оказалось чистой правдой).

* * *

Стена оказалась сложенной из могучих стволов, поверху обшитых некогда медными листьями. Высотой саженой в двадцать, неухоженная донельзя: от времени листья покрылись

зеленым, часть исчезла, и вместо нее на дереве прочно обосновался мох. Кое-где виднелись следы жука-типографа. На воротах с трудом угадывался богатый рисунок: тут тебе и витязи, и цветы, и лады, и Фениксы-Сирины-Алконосты, и чего только еще там не было. На одной из скоб сиротливо повис, зацепившись дужкой, громадный амбарный замок. Ключ от него висел рядом, прямо под табличкой, тронутой паутиной: «Самодержавие ничейное. Царствуйте, кто хотите». По обеим сторонам ворот возвышались покосившиеся стражи – потрескавшиеся деревянные истуканы с громадными булавами и щитами – когда-то, должно быть, весьма грозные на вид.

– Глянь-ко, поглянь, – прошептал Конек. – С такими не поспоришь. Даст дубиной по голове – и вся недолга. Ты не гляди, что заколдованы...

Но Владимира разобрало любопытство. Не обращая внимания на причитания и сетования Горбунка, он спешил, подкрался к стражу, стоявшему с правой стороны и легонько толкнул его. Рука неожиданно провалилась вовнутрь трухлявого дерева.

– Эх ты, трусишка, пошли! – Владимир распахнул ворота, и они вошли во двор.

Прямо перед ними находился терем. Высокий, с широким балконом на втором этаже, куда вела ажурная лестница, с лоджией на третьем, с аккуратными маковками, он, если бы его удалось перенести в наше измерение, заслуживал Кижей и таблички: «Памятник старины. Охраняется государством». И был он, вопреки утверждениям, сложен из бревен, правда, красноватого оттенка. Каковой оттенок носило все, здесь присутствовавшее: и деревья, окружившие терем пышным садом, и трава, и цветы, и колодец, и, возможно, вода в нем.

Владимир еще раздумывал, стоит ли подниматься наверх, а если да, то брать ли с собой Горбунка – все-таки конь, хоть и маленький – но тот уже бодро вскарабкался по лестнице, копытом отворил дверь, исчез внутри и что-то прокричал. Владимир ласточкой взлетел наверх, запнулся, последние ступени преодолел на четвереньках и робко заглянул. Первое, что бросилось ему в глаза, была дворовая прислужница, застывшая у лестницы, ведущей на третий этаж. Стояла она так, видимо, давно, поскольку была покрыта солидным слоем пыли. Владимир осмотрел ее и осторожно потыкал пальцем. Как и стражи, она была вытесана из дерева, но куда как более искусно, а открытые части тела покрыты расписанным воском.

– Диво, диво-то какое! – раздался опять сверху голос Конька. Владимир поспешил на голос.

Большая просторная горница с расписными стенами и потолками. Застывшая в разных позах челядь, изредка принцы или бояре, – Владимир судил по нарядам, – длинные лавки у стен, ларцы с инкрустацией слоновой кости, какие-то шкафы, столы, стулья.

Горбунку у раскрытого окна таращился на девушку, очень-очень красивую, но, увы, также деревянно-восковую.

– Что это с ними? – поинтересовался Владимир, приблизившись и будучи не в силах оторвать взгляд от девушки.

– Знамо что, заколдованы. А вона и спаситель явился – не запылится, – выглянул Конек.

Владимир также взглянул в окно. У ворот на разгоряченном богатырском коне гарцевал витязь, грозным голосом призывая стражей распахнуть настежь ворота из уважения к его царскому сану, или же пусть пеняют на себя. Те не откликались по вполне понятной нам причине.

Конек сильно толкнул Владимира.

– Ну-ка, живо полезай ко мне в ухо. Негоже тебе встречать Ивана-царевича в таком виде.

– Да, но... – засомневался Владимир, слегка ошеломленный подобным предложением.

– Живей, живей! – поторапливал Конек, и Владимиру ничего не оставалось, как подчиниться. Не понимая, возможно ли ему выполнить повеление Горбунка, он все же, зажмурив глаза, ткнулся головой в мягкое ухо и так грохнулся лбом об пол, что из удивленно открытых глаз посыпались искры.

– Так-то лучше, – услышал он голос Конька и осмотрел себя. На нем вместо прежнего одеяния появился шитый золотом алый кафтан да мягкие сапожки того же цвета сафьяна.

– Вот теперь можно и гостя встречать, – удовлетворенно заметил Горбунок и засеменил по лестнице к воротам. Владимир поспешил за ним.

Витязь, по-видимому, так и не дождавшись ответа, ехал по дорожке. Заметив приближающихся Владимира и Конька он спешился и застыл, положив правую руку на седло, а левую на рукоять меча.

Владимир поясно поклонился, стараясь при этом не упасть – каблук у сапожек оказался до крайности неудобен. Горбунок же просто мотнул головой, что должно было означать приветствие. Царевич в ответ едва склонил голову.

– Свет Иван-царевич, Владимир, тезка князю нашему, – представил их друг другу Конек, а затем обратился к Ивану: – А ты, Ваня, за какой надобностью пожаловал? Уж не за невестой ли часом? Тогда опоздал малость...

– Вот ведь напасть какая, – опустил голову царевич. Он, похоже, был знаком с Горбунком. – Не везет, да и только. Объявится свободная царевна – так поди Бабе-Яге слугой по гроб жизни али со Змеем Горынычем биться. Добро бы до первой крови, а то ведь насмерть. Или вот с Кошеем. А как с ним биться? Условия-то спервоначалу неравные. А тут, говаривали, и девица-красавица, и царство свободное. Владей – не хочу. Всего и делов-то – собраться да приехать. А тут – на тебе! – опоздал малость... Что случилось-то? Соперник какой опередил?... Уж не вы ли? – глянул он на наших путешественников, нахмутив брови. – Вот ты, молодец. Володимир-то Володимером, а чьих кровей будешь? Какого царства?

Владимир оторопел, не зная, что и сказать в ответ. Из Московского? А есть ли она сейчас, Москва, даром что в сказке свое времяисчисление? Юрий Долгорукий, отобравший селение у Кучковичей и по этой веской причине считающийся его основателем, насколько ему помнилось из курса истории, потомок Красного Солнышка, возрастом на полтора столетия младше... С другой стороны, он где-то читал (это для него «где-то», но мы-то с вами знаем, что у историка нашего дореволюционного, Андрея Экземплярского), что Олег, путешествовавший с малолетним Игорем из Новгорода в Киев, ставил на своем пути города и веси, среди которых и была Москва...

– Да какие они тебе супротивники!.. – словно из-под земли вырос старичок-грибовичок. – Так, недоразумение одно. А царевну, как на духу говорю, Кошей заколдовал. Молвил слово крепкое, запер его замком кованым, а ключ от замка тово спрятал под Алатырь-камнем на острове Буяне. Вот послушайте, как дело было...

Как из стран, лежащих за морем, широкиим,
Из-за гор, покрытых снегом, да Карпатских,
Выезжал Кошей, удалый добрый молодец...

Начало было многообещающим. Продолжение оказалось превыше всех ожиданий.

В то время, как одна, неизмеримо большая, часть Владимира с упоением слушала рассказ старичка (почему, будет сказано далее), другая вдруг машинально начала подсчитывать события, о которых он велся. Итог злодейств кошеевых получился следующим.

Девять раз Кошей заблудился, восемь раз – подрался, семь раз – оказался на княжеском пиру. Один раз, после княжеского пира, заблудился и подрался с мельницей (о, великий Сервантес!). Затем, в ореоле славы, явился к царевне, которой, в отличие от Кошея, кроме своей красоты и похвастаться-то было особенно нечем, и зачем-то посватался. Но у царевны день явно не задался. С утра она встала не с той ноги и наступила кошке на хвост, укололась веретеном, пошла по воду – наступила на грабли и утопила в колодце ведро, соль рассыпала – всем ведь известно, что обыденную домашнюю работу царевны привыкли выполнять сами. В

результате Кошей получил полный афронт, обиделся, и заколдовал ее словом крепким. Затем одумался, представив, что может с ним случиться, если девица расколдуется, и спрятал ключ подалее.

Скорее всего, в повести старичка не было ни единого слова правды. Но рассказывать он умел, как никто другой. Когда он говорил про лес, через который ехал Кошей, Владимир явственно ощущал себя в лесу. Когда про драку – у Владимира начинали болеть бока. Когда про пир... Слова лились песней, музыкой, их хотелось слушать и слушать. Неудивительно поэтому, что Иван-царевич застыл, раскрыв рот, а Конек – развесив уши. Неудивительно также, что когда старичок закончил свой рассказ и исчез, они оказались повязаны страшной-престрашной клятвой оставить прочие дела и посвятить себя всех без остатка благородному делу расколдовывания. И пустились они в путь-дороженьку, почему-то понутив головы и избегая смотреть друг на друга.

Они уже спустились с горы, когда перед ними внезапно возник тот же старичок.

– Погодьте, погодьте, – забормотал он, – ишь, прыткие какие. Как же без дороги-то? Вот я вам помогу, дам вам репьячок-проводничок; куда он покатится, туда и путь держите, никуда не сворачивайте – прямо в царство Кощеево и попадете.

С этими словами старичок оторвал от штанины репейник и бросил его на дорогу. Вернее, попытался бросить, поскольку коварная колючка тут же вцепилась ему в отворот рукава.

– Вот незадача, – старичок оторвал его другой рукой и вновь бросил, с тем же успехом – только теперь репей прицепился к другому рукаву.

– Эка ведь, – старичок потрянул рукавом, и колючка снова оказалась на портчине, на своем первоначальном месте.

– Ну ладно, – вздохнул грибовичок, – дам я вам тогда клубочек волшебный.

Как и следовало ожидать, конец клубочка зацепился за что-то глубоко в кармане, и от портов потянулась золотая нить. Старичок едва волком не взвыл.

– Кыш, окаянная! – пискнул он, оборвал нитку, бросил клубочек на дорогу и исчез, даже не попрощавшись. А клубочек словно живой покатился по дорожке и, будто назло нашим путешественникам, привел их в лес, в самую чащу.

Смеркалось; но яркий маленький огонечек уверенно бежал впереди, указывая путь во тьме, как вдруг...

Неясная тень мелькнула впереди и схватила клубок.

– Попались, голубчики! – злорадно проскрипел чей-то голос.

– Отдай! – бросился Владимир. Иван-царевич и Конек последовали за ним и... оказались в огромном болоте. Освещенное мертвенно-бледным светом, оно было ужасно. Корявые деревья и коряжины казались злыми существами, вылезшими на свет из еще более подземного, но уже не такого привлекательного, мира. Неподалеку, посреди топи, водили хоровод русалки, болотники, аржанники и еще какие-то странные существа, похожие на обугленные пни. Вокруг них поднимались ядовитые испарения, сквозь которые то тут, то там мелькали призрачные болотные огоньки. Заметив прибывших, нечисть с визгами и воплями, от которых кровь стыла в жилах, бросилась к ним, схватила, потащила в трясины. Тщетно отбивались Владимир и Иван-царевич, – нечисти оказалось слишком много.

– Оставьте их! – вдруг раздался повелительный скрипучий голос, и толпа с недовольным гомоном схлынула в разные стороны. На большом пне сидел старик с длинной седой бородой, волосы пополам с тиной, облепленный рясой и чешуей, устремив на пленников внимательный взгляд красных глаз.

– Болотный дед, – шепнул Горбунок Владимиру. – Пропали наши головушки.

– Гой еси, добры молодцы. Далеко ли путь держите? – как-то недобро ласково спросил старик.

– Дорога наша лежит в царство Кощея. А едем мы к нему заколдованную царевну выручать, – с поклоном ответил Иван-царевич.

– Жаль мне вас, молодцы, и царевну жаль, да что поделаешь. Не видать вам царства Кощеева. Кто в болото попал, тот навеки пропал, – болотный дед противно захихикал, оглаживая бороду. – А вот тебя, молодец, я что-то не признаю, – обратился он к Владимиру. – Об Ивашке наслышан, длинноухого каждая жаба знает, а ты какого рода будешь?

Владимир задумался. Как объяснить, откуда он сюда попал? И сказал первое, что пришло в голову:

– Волшебник я. Прибыл к вам из-за моря-океана, поглядеть на ваше житье-бытье, себя показать.

– Гляди-ка, – поразился болотный дед. – Аж из самого заморя-окияна. Себя показать. Ну так покажи, коль за тем прибыл. Потешись душу – живьем отпущу.

У Владимира уже возник план. Ну, не то, чтобы план, а так... Конечно, в обычном мире... А здесь сказочный... И, может быть, одно-единственное желание...

– Горбуночек, миленький, верни мне мою одежду, – прошептал Владимир.

– Что это вы там шепчетесь? – подозрительно осведомился дед. – Коль удрать задумали – сей же час русалки защекотят.

– Нет-нет, – поспешно сказал Владимир. – Мне для колдовства кое-что надо.

– Ну, тогда ладно. Вот только торопись, скоро солнце взойдет, а я страсть как его не люблю, так что поспедай – не то в трясину.

Горбунок тем временем подставил ухо, и Владимир осторожно, чтобы не повторить предыдущей ошибки, ткнулся в него. Убедившись, что на нем прежняя одежда, он сунул руку в карман, вытащил коробок и чиркнул спичкой.

– Ишь, чудо заморское, – восхитился дед. – А вот одежда твоя... тьфу. Ну-кась, повтори, а не то – в трясину.

– Ну что ты заладил – в трясину, в трясину... Сейчас.

При недолгом свете спички Владимир успел заметить то, что и надеялся увидеть, – что из-под пня выбиваются пузырьки газа и, не мешкая, бросил горящую спичку на лопающиеся пузырьки. И его одно-единственное желание исполнилось – сказка все-таки, – пень, начиненный метаном, окутался поначалу снизу паром, из которого вырвался вдруг яркий сноп огня. Болотный дед, вцепившись в него, со свистом, пронзительным воем и выпученными глазами унесся куда-то ввысь, а глазевшая на «колдуна» нечисть с визгом бросилась наутек...

* * *

...Как они вновь оказались на дороге, про то неведомо. Перед ними стоял маленький человечек в обычной крестьянской одежде с всклокоченными волосами и бородой, усыпанной репьями.

– Клубочек ваш я не отдам, – произнес он ласковым голосом. – Но и без подарка не отпущу. Попадете в беду – пригодится. К Кошеем же прямо по этой дороге и попадете.

Сказал, и не стало его. С глаз пропал, а у Владимира в руках оказалась небольшая деревянная шкатулка.

– Кто это был? – обратился Владимир к всезнающему Коньку.

– Колдун какой-то местный, – буркнул Конек. – Ты подарок-от его подале убери, не открывая пока. Не ровен час, случится что...

– А как ты узнал, что колдун?

– Чего тут узнавать-то? Ты лапти его видел? Правый на левую ногу обут, а левый – на правую.

– Так может он того... – Владимир замялся, подбирая нужное слово. – Подгулял...

– Да где там подгулял! – неожиданно встрял Иван-царевич. – У него и глаза разного цвета: один синий, другой зеленый.

– А чего ж вы с ним? То есть, я хотел сказать, чего ж вы ему клубочек отдали?

– Была охота копыта бить, – поморщился Конек. – Попадется какой-нибудь нестандартный – заплачешься. Дорогу узлом завяжет.

– Как так? – не понял Владимир.

– А вот так, – опять вмешался царевич. – В прошлом году это случилось. Как раз на свадьбу побратима моего, Ивана коровьего сына. Зимой. Я тогда дружкой жениха был. Тогда свадебный поезд аккурат при въезде в село у крайней хаты остановился. Потому – колдуна как-то впопыхах пригласить забыли. Вот он и осерчал. Крепко встали, ни тпру, ни ну. Ни тебе отъехать, ни объехать. А мороз, правду сказать, завернул – птица на лету замерзает. И, что обидно, вот она, хата колдунова, шагов двадцать, да и хозяин, по всему видно, дома – огонь в окошках, дым из трубы... Тут мужики и осерчали шибко. Сейчас мы, говорят, живо его обрачаем, самому бока намнем, а сруб по бревнышку раскатаем... Ну, на худой случай забор повалим, что ли... Замерзли. Пошли они, а мы смотрим: шагов пять до ворот осталось, а они свернули – да в обход, вдоль забора. Обошли дом, глядят на нас, а мы – на них. Ничего понять не можем. Вдругорядь – то же самое. Тут уж почти все, кто в санях сидели, не удержались... Часа два вокруг бродили... Вот ведь что учудил – рядом дом, а не войдешь...

– Кончилось-то чем? – нетерпеливо перебил Конек.

– Чем, чем... Постояли, покричали. Повинились... Замирились, в общем, с хозяином, он и отворил проезд. Пирогов ему дали, сбитня, того-сего... Да только замерзло все, в камень обратилось... Я же говорю – мороз...

* * *

Уже рассвело, когда наши путешественники выбрались из леса. Дорогу им преградила широкая река. На небольшом мостке сидел, опустив хвост в воду, большой задумчивый волк и мечтательно созерцал облака. Владимир и Иван подъехали ближе.

– Что, приятель, рыбу ловишь? – улыбнулся Владимир.

Вместо ответа волк резко выдернул хвост из воды. На солнце блеснула чешуей небольшая плотвичка, которую серый мгновенно подхватил на лету и проглотил.

Владимир едва не упал с Конька от удивления.

– Как... так...

– А вот так, – волк победоносно взглянул на него. – Патрикеевна, спасибо ей, надоумила.

И серый поболтал хвостом, отчего по воде пошли пузырьки и круги.

– Вот зимой плохо. Рыба, вишь, все больше по дну ходит, хвост не достает. Опять же холодно. Да и мужики от проруби гоняют...

Волк не dokonчил. Взвыв, он вскочил и пулей бросился в лес. На хвосте у него висел крупный рак.

Из реки выглянул довольный своей проделкой водяной – кочка, густо покрытая тиной, нос картошкой, толстые, словно пиявки, губы, глаза что раковины-перловицы. И странная отметина на голове.

– Ишь повадился, браконьер серый. Ужо гляди у меня... Сказано тебе – в нерест на два крючка, в остальное время – на десять. И больше чего – ни-ни... Совсем озверел, – пояснил он нашим путешественникам. – Мало того, что снастью неразрешенной ловит, так еще приловчился хвост об траву натирать. Анисовую. Так, говорит, лучше клюет. А зимой, покуда я спал, мешок налимов в проруби наловил. Ну, там где бабы белье стирают. Наловил, и у мужиков на горилку сменял. Так они с медведем того... Лешего подняли и давай гонять по лесу. Чего он, мол, зверье в карты проигрывает, добычу... А того не понимают, что сезонные миграции спо-

собствуют перекрестному опылению, – видимо процитировал кого-то водяной, сморщив лоб и пожевав губами, словно пробуя произнесенное на вкус. – Грек тут у нас один завелся. Ехал, понимаешь через реку, и увидел рака. Ишь, какая невидаль – рак! Ну и полез. А там омут, сажен пять... Вот и остался у нас. Грамотный больно, заел всех. Уж я и так, и этак пытался от него избавиться, чего только ни делал, кому только ни предлагал – отказываются... Может... – И он с надеждой глянул на отведших глаза в сторону путешественников. И тут же, погладив шрам на голове, неожиданно заорал на Ивана-царевича: – Ты б стрелять научился, прежде чем лук в руки брать! Не видишь, где река, а где болото! Утоплю в следующий раз!.. – И скрылся под водой.

– А я что? Я ничего... – сконфуженно пробормотал Иван. – И вообще, это не я был... А так, другой Иван... Какой-то... Вовсе мне и незнакомый...

Конек задумался.

– Речка эта Смородиной зовется. И мост на ней один, да и тот Калиновый. Хоть неподалеку, а все не то – змеи живут там, чего доброго, съедят.

– Так ведь он сам ведун, – встрял Иван, кивнув на Владимира.

– И то верно! – Горбунок разом встряхнулся и вихрем помчался по берегу.

* * *

Что же вы такое, речка Смородина да Калинов мост?... Сколько исследователей, столько мнений. Вот, например, что говорит известный филолог, профессор русского языка и словесности Киевского, а затем Санкт-Петербургского университета А.И.Соболевский. Что речка Смородина (точнее – Смородинка), протекает в северной части Орловской губернии близ древнего города Карачева и в Смородинской волости Фатежского уезда Курской губернии. Академик РАН, авторитетный российский археолог и историк Б.А.Рыбаков (автор прекраснейших работ по истории Руси и славян)полагает, что «...былинная река Смородина и город Углич соответствуют летописной реке Снепороду (современная Самара) и городу Углу». Еще один исследователь, Ю.Александров (найдите его статью в журнале «Знание – сила» № 6 за 1969 год), взяв за основу былинку об Илье Муромце и Соловье-разбойнике в записи Гильердинга (был такой русской историк, к сожалению, не переиздававшийся), указывает реку Свапу в Дмитровском районе Курской области. Многие производят название реки от «смород» – смрад, неприятный, удушливый запах, а название моста от «калина» – сильно нагретый. Отделяет река эта мир живых от мира мертвых, только чудища могут переправляться по мосту... В песнях народных, в былинах, в заговорах, «говорит человеческим голосом, за слова ласковые и поклоны низкие пропускает молодец, других же обиды топит»... А кто хочет, пусть представит себе (есть и такие исследователи) тихую речку-реченьку, с берегами, поросшими смородиной, да с витым-перевитым калиною деревянным ажурным мосточком... А куда нас тем временем дорожка привела?

* * *

И впрямь, до Калинова моста оказалось рукой подать. Зато картина, открывшаяся их глазам, была настолько необычна, что Владимир от удивления даже рот раскрыл.

Сам мост не представлял из себя ничего особенного – обычный бревенчатый мост с грубо сколоченными перилами. Вход на него преграждал шлагбаум – здоровенная лесина, Владимир прикинул – сантиметров под сорок диаметром – по всему виду ель. С одной стороны к бревну был примотан здоровенный булыжник, с другой к нему был привязан крепкий канат, петлей накинутый на скобу, вбитую в массивный столб в человеческий рост. К этому же столбу был прибит скворечник, снизу которого висел холщовый мешок с большой, в ладонь, сургучной

печатью. На столбе сидел огромный ворон и, склонив голову набок, внимательно рассматривал пришельцев.

Перед мостом сидели за шахматной доской, размером приблизительно сажень на сажень, мужичок в атласной рубаше и Змей, игравшие в тавлеи (для тех, кто случаем не знает – в русские шашки. И еще скажем, не вдаваясь в подробности, что игра эта упоминается, например, в Ипатьевской летописи XV века и Домострое).

Владимиру показалось, что он видит перед собой ожившего динозавра. Туловище размером с комнату в однокомнатной квартире, крупная рыба чешуя цвета свежего мха, головы – нечто среднее между коровьей и бегемота, но не всамделишных, а таких, какими их обычно рисуют в мультфильмах. Чудище сидело, растопырив задние лапы и обвив себя хвостом, словно кошка. Передние лапы были скрещены на груди, и Змей быстро крутил большими пальцами. Одна голова сосредоточенно уставилась на доску, а две других о чем-то перешептывались позади нее, поглядывая то на доску, то на думающую, при этом время от времени деликатно хихикая. И такой он был весь домашний какой-то, плюшевый... Прелесть, одним словом, а не чудище.

Сделав ход, Змей довольно поерзал.

– Вишь, тезка мой, – сказал Иван-царевич, – меньшой Иван. Поди ж ты, должно быть снова прогневил царя-батюшку, вот его опять и послали... куда-нибудь.

– Лягай! – вдруг крикнул Горбунок и распластался на земле, прежде чем Владимир успел понять, что, собственно, от него требуется.

Над ними со свистом пролетел какой-то снаряд и так ударил в стену примостившейся неподалеку приземистой избушки, что у нее вылетели стекла. Из избушки вылетели еще два мужичка. Постарше игравшего, покрывистей, закатывая на ходу рукава.

– Умом тронулся? – заорали они. – Что за беда приключилась? Семь раз стекла вставляли!

– Да вот, заперли меня, – прокричал в ответ Иван-меньшой. – Обидно стало!

– То не лихо, – махнули рукой мужички и скрылись в избушке. Затем один из них выглянул. – Обидно ему... Завтра же отправляйся за стеклом, да найди себе хорошего учителя, а то так скоро всю избу по бревнам раскатаешь. Или во что другое играй... в домино там, в лото... А то еще за грибами сходи, трав пособирай... Но чтоб тихо, без всяких-разных... и чтоб рукавицы не метать...

– А я читал, что они сражаться должны; мой меч – твоя голова с плеч, ну и так далее... – склонился Владимир к уху Конька.

– Сражаться... – Горбунок тряхнул гривой. – Кабы дело каждый раз до смертоубийства доходило, где ж Горынычей напасешься? А Ваня-то, поди, чуть ли не каждый год куда-то ездит.

– Вот они и порешили, – добавил Иван-царевич, – в игру эту сражаться, дабы обоим целыми быть. На щелбаны поначалу. Потом, правда, передумали. Силушки-то у обоих немально...

Горыныч неожиданно проиграл, вскочил и с шумом и плеском исчез под мостом. По воде часто-часто пошли пузыри, видимо, все три головы обвиняли друг друга в постыдном поражении.

– Что ж Горыныча обидел? Поддаться не мог? – насупился Иван-царевич. – Ему ж раз выиграть – на неделю разговоров.

– А так вот с ним и надо, окаянным, – произнес Иван. – Мало того, что о три головы думает, так ведь еще и подсказывать норовит. Глаз да глаз за ним нужен. Да и поддаваться как-то не с руки... Только начну, как сразу мысли нехорошие в голову лезут, злиться начинаю... Братьев беспокою... А ты, свет Иван-царевич, небось опять за яблоками молодильными? Каждый год ездешь...

– Оказия, вишь, вышла, – отмахнулся царевич и спешился. Владимир последовал его примеру. – Опять. С другой стороны – царь, он и есть царь, на него не угодишь. То ему сорт не тот, то червивые, то вообще земляные. А в этот раз, кричит, груши привез... За это я тебя, кричит, злодея, враз оженю. Будешь знать, как над старостью издеваться. Вот прям сейчас на Марье Моревне и оженю, а сам рушник мне тычет, где она сама себя вышла. Глянул я на изображение и понял – счастье мое в яблоках молодильных... Да что ж мы все обо мне да обо мне... Ты-то как?

– А как я? Да никак. Надоело на службе царской – спасу нет. Чуть слово поперек и пожалуйста – езжай за тридевять земель, диво дивное во дворец доставить. Вот здесь и пристроился избушкой – чего понапрасну-то ноги бить? Отдохну, порыбачу сколько надобно, – и к царю. Извините-подвиньтесь мол, ваше величество, да только опоздал я, кончилось диво дивное, вами заказанное. Через год обещали... Ну и мост, опять же, доглядывать помогаю.

– Так пошто ж его сторожить-то? Чай, не украдут.

– Украдут – не украдут... А ты послушай, коли временем богат, – Иван широко махнул рукой и присел на бревно, служившее, видимо, лавочкой. Царевич и Владимир сели на другое, напротив. Конек встал рядом с Владимиром. – Прибыл к нашему царю-батюшке волхв заморский. У тебя, говорит, товар, у нас – купец. Сватаю, говорит, дочь твою среднюю, Доброславу, за сына короля нашего, Мил... Милдред... Миледи... Тьфу, пакость! Пропади они пропадом, имена их иноземные. Ну, пусть Ваней будет.

– ...Говорил ведь, три тавлеи бить надобно, а он – одну, одну... – донеслось из-под моста.

– Ась? – обернулся Иван, затем, видя, что обращаются не к нему, продолжал: – Так вот. Портрет показал, каким-то Рафаэлло писанный. На зернышке маковом. Думали поначалу – издевается. Ан нет – достал он стекло дивное, через которое посмотришь, и все большим кажется. Вот, скажем, муравей. И не видно его, а как в стекло то глянешь – ровно таракан. Через стекло то и рассмотрели. Да только диво это вовсе и не дивом оказалось. Пришел тут к царю-батюшке кузнец один, Левшой прозывается, на работу устраиваться. Кузнец, я тебе скажу, всем кузнецам кузнец. Что хочешь – враз сделает, только опиши поподробнее. Одно плохо – к напиткам слаб. Он почему в бега подался? Народишко больно озлился. Он, понимаешь, как лишку хватит, так кует, что ни попада. Всех блох в деревне подковал, – да что там подковал – шпоры делать начал. Вот и посуди: одно дело, когда тебя просто кусают, а другое – когда еще и лягают, и пришпоривают...

– ...Говорил ведь, дамку ставь, а он – успеется, успеется...

– О чем бишь я? – снова отвлекся Иван. – Ах, да. Так вот. Долго ли, коротко ли рядились, а по рукам ударили. Вышли на двор, вот тут-то наш Еремей-царь и спохватился – а дары-то богатые где? Противу правил сватовство такое! Без даров богатых сватов засылать негоже! А колдун ему и говорит: «Ты не взыщи, царь-государь, но сам знаешь, совет добрый, он многих даров стоит. Вот, к примеру, царство твое. Всем царством царство, и богатое, и привольное, и все-то в нем есть. Порядку только нету. И дорог. Да и казны, правду сказать, тоже нету. Вот я тебя и научу, как, используя международный финансовый опыт, закрома твои царские пополнить...»

* * *

Ох, погоди, Иван, дай дух перевести. Интересен рассказ твой, да больно длинный. Что еще там за земляные яблоки? Картофель, что ли? Ну, тогда и неудивительно, что осерчал батюшка-царь. Как тут не осерчать? Смотрим Терещенко А.В., «Быт русского народа», том первый, Москва, 1847 год.

«Наши предки долго не знали картофель, и он перенесен в Россию в конце XVIII в. Это перуанское произведение удобно усвоилось с нашим климатом. Но простой народ не везде

охотно употребляет в пищу, считая чертовым яблоком. Есть уезды в восточной части России, где крестьяне даже боятся сажать его, думая навлечь на свои поля неблагословение Божие. Они уверены еще, что картофель предназначен для потребления одной нечистой силы; что картофель родится с головой и глазами, наподобие человека, а потому кто ест картофель, тот ест души человеческие. Старообрядцы утверждают, что картофель есть тот запрещенный плод, который вкусили первые два человека, поэтому кто ест его, тот не слушается Бога, нарушает Его святые заповеди и никогда не наследует царствия небесного. Были примеры, что правительственные меры не могли убедить земледельцев к разведению картофеля, и этому причиной раскольников и суеверы, поселившие в них отвращение и страх...»

Тем же, кто интересуется историей, рекомендуем найти и прочитать все семь томов. Небольшие они, страничек по сто – сто пятьдесят, но очень интересные, уж поверьте...

* * *

– ...За фук надо было брать, за фук... – надрывался под мостом Горыныч. Иван только вздохнул.

– «Оброк там, десятина, это все, конечно, хорошо, но мало. А ты вокруг-то обернись. Носит мужик бороду – бери с него забородную подать, соль в щи сыплет – солевую, монеты медные-серебряные на ассигнации замени, из бересты... Да что там далеко ходить? Рек у тебя в царстве видимо-невидимо, мостов на них – пруд пруди, а леса... Но о лесе потом. К мостам вернемся. Здесь бревно заменить, здесь жердь, ледолом, опять же, подправить. Так нешто ж все за здорово живешь? Вот и введи подать мостовую, на ремонт текущий да грядущий. А уж чтобы никто задарма через мост не проехал, не прошел, о том позабочусь».

Горыныч под мостом, похоже, докричался до рукоприкладства, а Иван, тем временем, продолжал.

– Призадумался Еремей. Долго думал, пока колдун ему ендову вина заморского не преподнес. Мол, помогает решение принять. Нужное. И, не соврать, царь как отведаль, так и повеселел. Молодец, говорит, голова! Забирай Доброславу, да и устраивай с мостами-то. Только смотри у меня, народ не забирай. С пешего там, с конного, с телеги – с каждого свой спрос. Список составь. Сам гляну. Воронов научи, чтобы сидели у моста, цену оглашали. С людишками, с ними тяжеле. Глянешь на иного, человек человеком, а как при должности поставишь, дня не пройдет – проворуется. Ну, это я так, к слову, наболело... А что ты там говорил насчет леса?..

Да не все разом! – сказал хмельной казак, который полез на коня, прося помощи святых угодников, и перекинулся через седло наземь. К чему это? А вслед за Иваном. Так уж повелось, что как начнет русский человек чего рассказывать, так и пошло у него: слово за слово, да «кстати сказать», да «а вот еще случай...» Уж и вопрос забыл, и тему переменял стократ, а вяжется рассказ, ладно вяжется, и нет ему ни конца, ни краю.

Глянем пока, что у нас там с податями. Ну, бородатых не только Петр Великий не жаловал. В елизаветинской Англии тоже деньгу драли, во Франции – не пускали в суды, в Америке (в штате Массачусетс, 1830), решили проблему кардинально – за решетку, и вся недолга.

За цвет глаз в Башкирии придумали деньги драть, при том же Петре. В Армении в конце двадцатого века ввели налог на пыль, а в России существовал налог на полоскание белья (берегись, домохозяйки!).

Впрочем, есть чему и поучиться. Налог на тень (Венеция, 1993), налогу на воздух (Византия), налогу на соломенную труху и на порыв ветра (Англия), налогу на солнце (Испания), налогу на... общественные туалеты (Веспасиан, 70-е гг. н. э. – «non olet» – деньги не пахнут). Сколько их еще...

Да и деньги из бересты... При Екатерине II еще на Руси-матушке введены были, не из бересты, конечно, из бумаги. А в Китае так и вообще в VIII веке н. э., даже Марко Поло о них упоминал. Из чего только их не делали! Вот, к примеру, на русской Аляске – из кожи...

Впрочем, пора и нам дух перевести, негоже Ивану уподобляться. А любопытных отсылаем к книге Брызгалина А.В. и др. «Налоги. Люди. Время», Екатеринбург, 2008.

* * *

– ...Вот и до Смородины добрался колдун тот. Скворешник вон на жерди поставили, ворона посадили. Семь дней нить золотую к мосту тянул. Это мне Горыныч рассказывал. Он за ним по пятам ходил, в три головы примечал-заглядывал, а все без толку. Ладно, думает, нить эту потом сниму да переплавлю. Цепь себе сделаю. Сразу на три шеи. Саженную. Пора и нам, Змеям, в люди выходить. А после осрамился. Колдун как работу закончил, объяснять принялся, что к чему. Ну я-то по-ихнему не разумею, так он свой ковер-самолет за толмачом послал. Тычет колдун этот в скворешник и талдычит что-то по-своему. А толмач в слезы: «Не в силах уразуметь я речь его. То ли он умом тронулся, то ли я. Ты, говорит, молнию на небе видал? А искры, что с шерсти у кота сыплются? Это, говорит, все одно и то же. Умные люди, говорит, из города Лейдена, банку специальную придумали, чтобы молнию в нее ловить. Ну вот как вы капусту да огурцы в кадушке держите, так они молнию. Я банку эту на горе высокой к самому небу на шесте поднял, чтоб поближе да посподручней ловить было...» – Это он не соврал, сам видел. То есть жердь саму не видел, – гору видел; он ее, всю как есть, сверху донизу чертополохом засадил да ежами заселил, чтоб людишки не безобразничали. – «А по нити золотой молния из банки, когда надобно, сюда сама доберется, и ка-ак даст больно, ежели кто без спросу через мост переправиться пожелает».

– Надоело мне слушать нелепицу, – продолжил рассказ Змея Иван, – да и решил я его... того... Ну, в общем, иноземец ведь, кто его искать будет? Дороги, опять же, как дедами заведено – одни направления... А из направлений – эвона... А коли кто и будет, скажу – утонул. Рыбу ловил, и упал с лодки прямо в омут, а там течение... Хотел я помочь, да не успел малость... О чем бишь я? Так вот, говорю, Идолище ты Поганое, землю нашу к рукам прибрать метишь? Вот и глянем сей час, кто на рати крепок. Выходи, басурман, биться один на один! Он спокойно так, через толмача, и отвечает. Биться так биться, и что-то там под скворешником поелозил.

Я – в рать, вот тут как раз промашка и вышла. Как наступил на нити эти золотые... свет во всех шести глазах померк, уж и не ведаю, что далее-то было. А только когда в себя пришел, гляжу, мост-то мой едва ли не в саженьях десяти, коломенских. Вот как отбросило!.. Заплакал тут я слезищами пудовыми от обиды, а иноземец и говорит: в следующий раз полезешь биться – в зоопарк тебя сдам. Или в парк национальный, юрского периода. Пока же зачисляю тебя на службу царскую. Будете на пару с вороном мост держать. Он – за денежками приглядывать, ты – на тот случай, коли грозы долго не будет. А чтобы не проворовались оба, надзор за вами поставлен будет, много вас тут, хищников, охотных до добра чужого, развелось. Вот братья мои доглядать и посланы, – закончил рассказ Змея Иван. – Ну, и я иногда при них... Правду сказать, Горыныч чаще народ за полчены на горбу перевозит, на харчах-то царских не особо разжиреешь.

* * *

Повезло тебе, Горыныч, что не изжарился совсем, с банкой этой лейденской. Вот что пишет профессор Мушенбрек (ему чаще приписывают открытие первого электрического конденсатора) о своих опытах: «Хочу сообщить вам новый и страшный опыт, который никак не

советую повторять. Я делал некоторые исследования над электрической силой и для этой цели повесил на двух шнурах из голубого шелка железный ствол, получавший через сообщение электричество от стеклянного шара, который приводился в быстрое вращение и натирался прикосновениями рук. На другом конце свободно висела медная проволока, конец которой был погружен в круглый стеклянный сосуд, отчасти наполненный водой, который я держал в правой руке, другой же рукой я пробовал извлечь искры из наэлектризованного ствола. Вдруг моя правая рука была поражена с такой силой, что все тело содрогнулось, как от удара молнии. Сосуд, хотя и из тонкого стекла, обыкновенно сотрясением этим не разбивается, но рука и все тело поражаются столь страшным образом, что и сказать не могу, одним словом, я думал, что пришел конец... «(Владимир Карцев, «Приключения великих уравнений»).

* * *

Видимо, услышав что-то о полцены, ожил ворон, до того черной статуей возвышавшейся на столбе.

– Иван-царевич, та-ак... ну что ж, имя распространенное, куда ни каркни, в Ивана попадешь. Вот ежели б Аполлинарий, али там Хорлампий какой... А так... Резану давай. Впрочем, раз царевич – так и от гривны не обеднеешь. Человек, да конь, да всадник, ишшо три гривны. – Ворон склонил голову, раскрывши клюв. – Так нет же, добавим, для порядку, еще три. И с этого, длинноухого, гривна, вот же ведь дальнотойщик выискался. А ты, молодец, какого роду-племени будешь? – каркнул он на Владимира.

– Так я того... – растерялся Владимир и ляпнул, неожиданно для самого себя: – Инженер я...

– Иноземец, значица, – раздумчиво почесал клюв ворон. – Тогда валютой клади. По курсу. Что там у вас за деньги ходят?.. А, не важно, тоже гривну клади. Вон оно, дупло-то, туда и ложь.

– Да не иноземец он, – встрял Конек. – Наш он, русич. Слов вот только заморских где-то поднабрался и сорит ими, что из дырявого мешка.

– Наш, говоришь, русич... – Ворон почистил клюв и наклонил голову, подумал. – Все одно гривна, – решительно каркнул он. – Вконец распустились, скоро и мову родную не услышишь. Это, как его, волюнтаризм какой-то получается.

– Выручай, Ваня, – шепнул Горбунок царевичу. – Не при деньгах мы сегодня. Вернем опосля. С процентами. А не то – листочков с деревьев нарвем, в царстве-то Серебряном.

– Ну истинно ребенок, – хрипло рассмеялся Ворон. – Уши до неба отрастил, а ума не нажил. Вот ведь простота. Один, что ли, такой сообразительный? Какое там тебе серебро? Окстись. Порастали все уже. Без тебя. Мельхиор единственно остался, да олово, да люминий.

– Да на, мздоимец! Вот и куна тебе сверху, мироеду, на мыло. Лишний раз в баню сходишь, – протянул деньги Иван.

– А ты не лайся, не лайся, – деловито заметил ворон, ловко ухватив когтями куну и пряча ее под крыло. – Остатнее туды ложь, – кивнул он на дырку в скворечнике. – Много вас тут ходют, чисто как демонстрация какая. Того пусти, этот задарма норовит – мол, от боярина такого-то, да подмигивает: ты мне послужишь, так и я тебе услужу, вот и квиты, а не то – так шиш; другой вином угощает... Предшественник-то мой и спился, насовал цветов разных в хвост, распушил – павлин, да и только, – сидит на дубу, да в дуду играет... Сослали сердешного, куда Макар телят не гонял. Сам-то рассуди, коли умом не обносился: убыток у государства – и народишку лишенько, а государство богатое – так и у людишек каждый день щи скоромные... А что не у всех, так то не наша забота. Сверху виднее, кому да что. Говорят ведь: кто смел – тот два съел, а иной Фомка и на долото рыбу удит.

– Учит-учит, а сам куну содрал, – шепнул Владимир Ивану, но ворон услышал.

– Ты б, милай, помолчал, коли государственных дел не разумеешь! Вот глянем сейчас, что ты за птица! – Ворон достал из-под крыла очки и водрузил на нос, затем извлек оттуда же блестящий камешек и вперился в него, слегка наклонив голову. Некоторое время он молчал, оцепенел, а затем вдруг клюв его начал краснеть. Глазки его разгорелись, перья начали топорщиться, а Владимиру вдруг показалось, что он слышит едва различимые звуки канкана. Прошло еще время, ворон очнулся, скинул с себя оцепенение, щелкнул клювом, что-то невнятно пробормотал, спрятал камень, а взамен уставился в другой. – Русалки, понимаешь, что с них взять? Нечисть, одно слово, – обращаясь скорее в никуда, чем к кому-либо, произнес он. – Так, инженер, говоришь... Посмотрим... Слово иностранное, означает: класть здания, но не избы рубить... Землю мерить, но не шагами... Горами ведать, но руды не знать... Ясненько. Фока – на все руки дока, да руки не туда смотрят. Ты б, молодец, хоть в пастухи подался, все прок бы какой был. Сейчас еще глянем... Так... ель заговоренная... Ушастый... Перо... Ну да, так и есть. Ты вот что, еще гривну гони, мне в собственность, за совет мудрый.

Владимир вопросительно взглянул на Конька, затем на царевича. Тот пожал плечами и протянул ворону монету.

– Мы на земле пожили, на ус мотали, сами до всего дошли, – птица непроизвольно потерялась клювом о дерево моста. – Все как есть расскажу, всю правду, ничего не утаю, к бабке ходить не надо, а ежели что не так, то и на картах можем, и на гуще кофейной, позолоти ручку, служивый... Нет, не то. О чем, бишь, я? А, вспомнил. Ель та, – ну ты понимаешь, о чем я? – Ворон игриво подмигнул, – заговоренная. Давно это было. Лешой там жил, Боровик. Всем взял: как свистнет, лес клонится, как водить возьмет – из трех сосен не выйдешь, медведя запросто ломал... Сыновья вот подкачали. Как говорится: из лука – не мы, из пищали – не мы, а попеть-поплясать – против нас не сыскать. Окромя карт, да костей, да зелья проклятущего и знать ничего не знали. Уж и лалялся Боровик, и дубьем окорот давал, все не в прок. Плюнул он, да и говорит: «Вы, детинушки, как хотите, а я вас выделяю. Дам каждому по роще, живите, как хотите, ко мне же и дорогу забудьте!» Сказано – сделано. Все поделил по чести – по совести, одна та ель и осталась. А сыновья-то хоть и в делах не горазды, а каждый к себе дерево тянет. До драки дошло. Поглядел отец, и молвит: «Вот ведь окаянные, ни себе, ни людям». А ночь-то рябиновая была. Сбылись слова Боровика, заклатьем наложенным стали. Кто ночью рябиновой заночует под ей, так аккурат в тот час, как слова были сказаны и сгинет, а не то чужак явится. Вот ты и появился...

Что путь в Киев держишь – толково, хвалю. Там старцы-пещерники укажут, как обратно возвратиться. Умом сильно горазды. Основатель-от их, пещерников энтих, звать как вот только не припомню... Пришел, выкопал себе пещерку, да и поселился. К нему спустя время еще один, дай, мол, я у тебя тут заночую. Ну, первый-то, он сказки читал, знает, чем это переночую кончается. Ты, говорит, здесь живи, а я себе новую выкопаю. Посмеялся второй, – раскусил ты меня, хотел я как та лиса домишко задарма поиметь. Уж не серчай, кто старое помянет... А пещерку я себе сам выкопаю. Давай лопату. К слову сказать, все одно не вернул потом... Стали они жить-поживать, народишко потянулся. Каждому лопату дай, каждому местечко отведи получше, чтоб воды грунтовые ни-ни, да с потолка не капало. Весь холм изрыли ходами подземными.

Прослышал про то князь наш, Красно солнышко. Бояр прислал, сцапали они главного первоначальника, да в палаты княжеские, ответ держать. По какому такому праву римскому строительство затеяли? Да где разрешение, да налог на землю, да проект согласованный с главным архитектором княжеским, да пятое-десятое... Все княжество обокрали, в разор ввели! А первоначальник и говорит: «Здрасьте-мордасти, слуги царские. Каку-таку землю княжескую? Вон она, гляньте, вся как есть в целости-сохранности. Вся на поверхности. А что до пещерок тех, так изыскательством руд не занимался, кладов не искал, кодекс земельный чту. А что до

пещерок... Так вот, глядите, порты. А вот дырки в портах. А порты у него, правду сказать, неважные были. Прямо-таки дыра на дыре. Так вот, говорит, я тому, кто рухлядь пошил да полотно ткал, все как есть до копеечки отдал-расплатился, а уж дырки – извините-подвиньтесь. Моя работа. Да и где ж енто слыхано, чтобы за дырки платить? Не сыр, чай, швейцарский. Вот и рассудите по чести, по совести». Переглянулись бояре княжеские, почесали бороды аршинные. Вот ведь как, шельмец, повернул. И землю не захватывал, и самостроем не занимался, да еще порты свои драные приплел. Ну как тут с него подать брать? По какому такому закону?

Вот и вышла промеж них распря, чуть не до драки. Уж больно до добра чужого охочи, мда... А как его взять-то? Насельники эти пещерные не дураки стать. Они там шампиньоны выращивают, трюфеля, светлячков разводят, чуть что – закрыли лазы, да и ищи-свещи. У них там под землей ну чисто лабиринт критский. А вдруг еще и Минотавра завели, али полканов? Тут один боярин, из молодых, еще молоко на губах не обсохло, а он туда же, политику государственную решать. «Даешь, кричит, реформы! Довольно жить по старине, давай Правду Ярославову принимать всем, значит, референдумом!» Ну тут уж все не стерпели и давай его всем обществом мутузить. «Вот тебе, орут, референдум, Стенька, понимаешь, Разин, вот тебе Правда Ярославова!» Сам князь не стерпел. «Подать, кричит, сюда супостата! Вот я ему сейчас ночь Варфоломеевскую устрою!» Намяли, короче, ему бока. А первонасельник не будь дурак, – пока бояре промеж себя лаялись, к себе ушел. По-англицки. Так и кончилось все ничем. А Ярослава, ну, сына княжого, Красно солнышко все же, не ровен час, сослал подале, аж в Новгород. Там, дескать, вече есть, вот пусть и орут, душу отводят...

* * *

Далеко не всегда, как свидетельствуют наши летописи и исторические документы, отношение к подвижникам веры было почтительным. За примерами далеко ходить не придется, возьмем первый – первый не только по упоминанию (в Печерском Патерике) такого отношения, но и первый относительно удачный пример кладоискательства.

Жил в пещерах Киевских инок Феодор. И вот ископал он однажды «множество серебра и сосудов драгоценных; хотел сперва уйти с ними, но раскаялся и зарыл их. Мстислав, сын великого князя Святополка-Михаила, сведал о том и требовал сокровища от Феодора, который ему отвечал: «еще при жизни св. Антония слышал я, что в сей пещере было древнее Варяжское хранилище, и что она потому самому названа Варяжскою. Правда, что я видел там много золота и сосудов Латинских, но Бог отнял у меня память, и теперь не знаю, где они скрыты мною». Мстислав велел мучить святого Феодора, и будучи шумен от вина, пустил стрелу в друга Феодорова, святого Василия, который вынув ее у себя из тела и, бросив к ногам юного князя, сказал, что скоро Мстислав будет сам уязвлен ею». Нетрудно догадаться, что пророчество вскоре исполнилось...

Ну а раз уж мы Патерик Киево-Печерский вспомнили, так почему бы не обратиться к еще одной загадке, оставленной нам в наследство Нестором-летописцем, насельником Печерским? Почему бы не дать начальную ниточку любознательным, пока ворон свой рассказ ведет, может, найдется тот, кто потянет за нее да и распутает клубочек?

Не одни иноки печерские под землей скрывались. Вот что читаем мы в Начальной летописи под 1096 годом.

«Теперь же хочу поведать, о чем слышал четыре года назад и что рассказал мне Гюрята Рогович новгородец, говоря так: «Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришел отрок мой к ним, а оттуда пошел в землю Югорскую. Югра же – это люди, а язык из непонятен, и соседят они с самоядью в северных странах. Югра же сказала отроку моему: «Дивное мы нашли чудо, о котором не слышали раньше, а началось это еще три года назад; есть горы, заходят они к заливу морскому, высота у них как до неба, и в горах тех

стоит клик великий и говор, и секут гору, стремясь высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое, и оттуда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож или секиру, они взамен дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них; идет он и дальше на север».

О каком народе идет речь, не только в летописи, но и в легендах-былинах-сказаниях северных, в поговорках-пословицах русских? Сколько копий сломано в обсуждениях? Что за племя неведомое, чьи познания (по уверениям некоторых) превосходят познания мифических атлантов?.. Кому суждено разгадать тайну сию?..

* * *

– А что до Киева... – продолжал между тем ворон, – не брал бы перо, не знал бы горя. К орлу тебе нужно. Длинноухий довезет, он знает. Но без помощи моей не обойтись. Орел этот – меньшей мой брат, и по возрасту, и по разуму. А так мы из разных отрядов, хоть и птицы. Без слова моего с тобой и говорить не станет. Горд, а тем паче ленив. Мышей совсем не ловит. Подойдешь к нему, значит, скажешь: «Юстас – Алексу»... Нет, не то. Скажешь так. «По здорovu живи, сильномогутный орел-птица. Кланяется тебе брат твой старшой, да шлет в подарок...» Сейчас, погоди, запаматовал, много вас тут шляется... – Ворон извлек из-под крыла свиток, развернул, поправил очки на клюве и принялся зачитывать. – В скоростях писал, мог что и пропустить. «Во-первых, кафтаном алого сукна, золотом шитым (три штуки), – зачем ему кафтаны, птице-то? Да уж раз написано, пусть останется. – Медом сытным, на изюме заморском сваренном, да с пряностями, бочка (три штуки)»...

– Да где я все это возьму? – удивился Владимир.

– Не перебивай! – строго заметил ворон. – По дороге купишь. Запоминай. – И принялся зачитывать список дальше.

Свиток оказался длинный, и Владимир почти начисто его сразу же и забыл, в голове осталось лишь: «полцарства (три штуки)», «пардус (три штуки)» и «инкубатор с птицефермой и дворовыми постройками (одна штука)».

– Ну а потом как водится, – закончив чтение, хрипло прокаркал ворон. – Ажно в горле пересохло. Стараешься тут для вас, за безмездно... Так вот. Представись, беду свою изложишь, ну и договоритесь там, как он тебя на землю верхнюю из царства подземного вынесет.

Тут грамотей-ворон оставил своим вниманием Владимира и воззрился на Иванов. Те о чем-то вполголоса переругивались, размахивая руками, словно мельницы-ветряки. Только и слышно было: «А вот пусть скажет, петух индейский!..» – «Слушай ты его больше, как решил – так и поступай. Народ что говорит? Долгая дума – лишняя скорбь. Чем думать, так делай». Воспользовавшись этим, Владимир наклонился к Коньку.

– Да где ж я все это возьму? – жалобно прошептал он.

– Нам самое главное через мост перебраться, – так же шепотом ответил Конек. – А там поглядим.

Ворон же, видимо обиженный на «петуха индейского», напустился на Ивана-царевича.

– Ты кого позорить вздумал? Ты еще мамкам-дядькам мечом деревянным шишки наставлял, когда я уже!.. Ого-го!.. Высоко летал, далеко видал. К Кощею тебе надобно? Добро же!.. Ты у Кашея в ostatний раз когда был? Сколько с тех пор воды утекло?.. Да вся и утекла! Вся как есть! Братья-то его, – кивнул он на Ивана сторожевого, – клепсидру вдребезги разнесли. Не был ты у него, как на духу скажу, не был! То к Черномору занесет, то к Тугарину, а туда же, герой-молодец. Ты слушай его больше, – обратился он к Ивану сторожевому. – Он тебе такое наговорит, – на коне богатырском не перепрыгнешь. То ему батюшка яблоки молодильные закажет, – нет, чтобы своих Платонов там, Невтонов, Мичуриных завести-вырастить, – воро-

вать, оно куда легче, вся порода у них вороватая, – то о царевнах плести что-то начнет – дубы вянут... А впрочем, мне-то что? Езжай, Ваня, сын царский, езжай. Тут уже съездил кое-кто до тебя, – ворон то ли закаркал, то ли захихикал. – Как вернулся, катастрофу экологическую устроил, когда порты в Смородине от сраму отстирывал. Сколько рыбы тогда кверху брюхом всплыло – и не перечесть!

– Не каркай попросту-то, – заметил Иван сторожевой и обратился к царевичу. – Сам поведаю. Правду он говорит. Не ездил бы ты к Кощею. Вот сказок, небось, начитались, а Кощей – он мужик справный. Хозяйство, опять же, ведет. А жизнь личная не задалась, не везет ему, что кляча твоя столетняя. Стоит ему только приглядеть девицу красную, да тройку порезвей выбрать, да ночь потемней... Народ и смекнул. Кощей – он же не последний парень на деревне, абы кого не украдет. Так стоит ему только с девицей-красавицей под венец собраться, а уж какой-никакой принц-королевич тут как тут. Отдавай, мол, а не то голова с плеч долой. Кощеюшке-то что? Он мало того что бессмертный, так еще и бессребреник, и характером добр. Мухи-комара зимой не обидит. Сам еще свидетелем при свадьбе записывается.

А девица? Ревмя ревет, хочу за Кощея, и все тут. Да только кто ее спрашивает? За русу косу, и в чулан, вот и вся недолга, пока не образумится, воле отца-батюшки перечить не станет.

Видел бы ты, сколько тут царевичей-королевичей перебивало. В очередь записываются, по ночам цифирь арабскую на руках ставят.

Кощей и изучил борьбу заморскую. Но прозвание у нее нашенское, исконное, не иначе как ироды окаянные слова наши похитили, своих не хватат. Название же борьбы той – корыто.

Вот я и говорю, грех со мной какой приключился.

Колдун тут у нас один завелся. Все что ни есть ценного, себе забирает, а сам кому ларец, а кому и шкатулку вручает. Дескать, от Кощея спасение. Сманил он меня, как есть сманил. Принял я ларец тот, каюсь, да и подался к Кощею без очереди. Пришел, он и глазом моргнуть не успел, а я уже: «Двое из ларца, одинаковых с лица». Выскочили они, с дубинами. Один, правду сказать, неказистый какой-то удался, видать, в детстве болел много. Зато второй ничего. Дородный. Такого в орало впрячь – он тебе за день десятин десять подымет, да потом еще ночь гулять будет. Вот этот-то детина и махнул своей дубиной. Отчего ж не махнуть, коль дубина есть? Кощей-то возьми и присядь. Так вот вся дубина второму братцу и досталась.

А Кощей как вскрикнет зычным голосом: «Стойка деда Афанасия!», схватил ухват... Какой же витязь против ухвата? Мы ж к тебе с добром пришли, так и ты бы к нам с добром... С кистенем там, с булавой. А так мы не в силах. Верст с десять нас гнал...

– М-да, – раздумчиво произнес Иван-царевич, почесывая затылок. – Незадача. Нехорошо как-то выходит. Я, по правде сказать, за супружницей и послан... Вишь ли, царь-батюшка внуков зреть желает. А где ж внуков взять, коли я и не женат вовсе? Но отец ни в какую. Или, говорит, внуков подавай, али там внучек, не то – наследства лишу. Насовсем. Вот и попал я как кур в ошип. Девица мне одна красная приглянулась. Всем взяла: и лицом, и статью, а талия такая – вдвоем не обоймешь. Одна беда – крепостная. Я уж с боярином ее и так, и сяк, наконец, сговорились, по рукам ударили. Батюшка ей на радостях полцарства дает, так что она нонче вроде как принцесса, в замужество за меня она согласная... Оно ведь и хорошо, что роду-племени не царского: не избалована, наследственность лучше... И что ж ты думаешь? Оплошка приключилась. Не сказал я толмачу, чтоб он договор тот прочитал да вольную, а сразу палец в сургуч – и приложил. А боярин тот, кулак-мирод, говорит: «По закону, князем нашим установленному, раз уж твоя подпись на бумаге имеется, так выполняй уговор по совести. Поначалу деревню у меня купи, что в грамотке прописана. Москвой прозывается. Уж не взыщи, где она – знать не знаю, ведать не ведаю. Самому обманом всучили. А вот как купишь, так честным пирком да за свадебку». Толмач мне и цену прочитал за глухомань ту, – аж в глазах зарябило, хоть порты последние сымай, – да делать нечего. Слово-то дадено. Вот и правлю к Кощею путь.

Он, говорят, в долг дает. Ох уж бояре мне эти!.. Вот вернусь, оженюсь, стану царем – устрою им опричнину! Посмотрим, как они Лазаря запоят!

* * *

Кстати, о Москве. Вот уже не первый раз поминается она в рассказе, а на вопрос, могли ли во времена Владимира князя слышать о ней, однозначный ответ дать сложно. Поэтому обратимся к специалистам.

«Как и всякий другой древний город, ставший замечательным в истории своего государства, Москва подала повод к составлению о начале и начальной истории ее разных догадок, сказаний и легенд.

Некоторые основание ее приписывают Олегу, указывая как на доказательство этого мнения на слова Нестора: «Се же Олег (882 г.) нача города ставити и устави дань словеном, кри-вием и мери». Проезжая из Новгорода в Киев, Олег остановился на р. Неглинной, при впадении ее в р. Москву, и поставил тут городок, который впоследствии достался суздальскому вельможе Кучку. Предание об этом Кучке известно. Юрий Долгорукий, по пути из Киева во Владимир (Залесский), проезжая теми местами, где по Москве-реке раскинуты были прекрасные селения Степана Ивановича Кучка, остановился там. Владелец этой вотчины не оказал князю должного почтения и даже отзывался о нем с некоторым презрением, почему Юрий приказал казнить его и бросить в пруд, а двух сыновей его, Петра и Яким, и дочь Улиуту отправить в Суздаль, где последняя насильно выдана была в замужество за Юрьева сына Андрея (Боголюбского). Юрию понравилась вотчина Кучка, и он приказал на горе, где ныне Кремль, поставить небольшую ограду или городок, который и назвал по реке Москвой; другой городок приказал поставить за первым, там, где потом сооружен был Знаменский монастырь, и назвал его, будто бы по прозвищу сына своего Андрея, Китаем. Москва одновременно называлась и Кучковым: так, в летописи про Михалка и Всеволода Юрьевичей под 1176 г., когда они приглашены были в Суздальскую землю племянниками своими Ростиславичами на совместное княжение, говорится: «Уя (схватила) и болезнь велика на Свине, и идоша с ним до Куцкого, рекше до Москвы». – Фантазии составителей сказаний о происхождении Москвы углубляются даже в более седую, библейскую древность, и производят название города от Мосоха; некоторые – от бывшей там деревни Мскотовы, иные – от множества мостов, наконец – считают название Москвы финским».

(«*Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.*», Андрей Экземплярский. С.-Петербург, 1890 г.)

* * *

– Опричнину? Это хорошо. Ты нас с братьями в первые записывай. Да еще мужика одного, Малютой звать. Он в плечах – что твоя оглобля коломенская. Как осередь зимы на кулачки, один из первых будет. Направо махнет – улица, налево – переулочек. В том смысле, что домов не остается. Чисто Муромец. Только вот что делать будешь, как не даст в долг-то?

– А слово я волшебное знаю. Как же не даст?

– И что ж за слово такое?

Царевич и произнес. Да как произнес!

С дубов листья попадали, березки к земли припали, вода в Смородине всколыхнулась, – Змей наутек бросился, – у Горбунка уши обвисли. Иван только крикнул.

– Ты бы царевич, того, поостерегся. Слово, видать, не про нас говорено. Как бы чего худого не вышло.

– Зато вишь каково? Действует, как из Царь-пушки. Да, еще что? Тот калика, что поведал его мне, уж больно неказист был, вот я и запамятовал, как правильно-то молвить. Не знал – не гадал, что понадобится. К кому только не обращался потом – ни один книжник растолковать не смог. Сам посуди. То ли «пожал уста», то ли «пожалуй ста». Как же уста пожимать, ежели целуют в них? Да и пожаловать мне нечего, не то что ста, – одному; вскорости сам лапти обую. Вот и говорю то так, то эдак, но изредка, абы урона какого не нанести. А пока не забыл, вот тебе еще четыре гривны за всех нас, мироеду, в ящик, да тебе куну, что порядок блюдешь. Только не забудь в следующий раз бесплатно пропустить, коли обратно этой дорогой возвращаться придется...

– Сам хорош, – обиделся Ворон, внимательно прислушивавшийся к разговору. – Опричину он заведет... Ты еще силки пораскинь. Глаза б мои не глядели! – И сунул голову под крыло.

– Вот еще беда со мной приключилась. – Царевич непроизвольно положил руку на рукоять меча. – Батюшка, когда в дорогу снаряжал, калиту дал только чтоб в один конец; обратно, говорит, где хошь денег найди, хоть на паперти стой, привык за спиной отцовской прятаться... Еду я себе, еду, солнышко пригрело, разморило, знамо, прилег на минутку, просыпаюсь – на тебе, – нет калиты на поясе, одна веревочка осталась... И думаю я: ни назад тебе дороги, ни вперед. Что делать? Тут старичок-лесовичок возьми да и появись. Наслышаны мы, мол, про беду твою, земля, она слухами полнится... Обидели тебя люди лихие, так и ты их обидь. Неподалеку здесь ель есть, могучая, разлапистая, мимо не пройти, узнаешь, и дупло в ней. Или сосна?... Сам разберешься, не малой, чай. Так вот. В том дупле люди лихие мошну спрятали, с гривнами. Найдешь – твое счастье. И сгинул с глаз долой. Ну, он еще там приметы указал, да только ни к чему они оказались. Нашел я дупло то по приметам, глянул, а там дятел. Как дал он мне клювом по шелому – почитай целый день в голове звенело. Да нешто один? Я только в девятом кошель и нашел, а в первых восьми – все дятлы...

– Погодь-ка, погодь... Силки... Силки... Так у меня ж там сети на излуке пораскинуты. Мало мне, что Черномор со своими богатырями по реке маневром ходит, так еще и этот... – И Иван сторожевой метнулся по берегу вдогонку улепетывавшему Змею, что-то крича.

С ближайших деревьев слетели последние листья.

– Вот ведь научил слову сокровенному на свою шею, – покачал головой царевич, – эдак он теперь весь лес изведет, мост да избушку по бревнышку раскатает. Давай-ка мы от дела такого подальше, по-аглички... – И, осторожно глянув по сторонам, тронул коня, а где-то поодаль завязалась перепалка.

– А я говорю, нечего сети ставить, рыбнадзора на тебя нет, – в три горла надрывался Горыныч.

– Сейчас вот вытащу, так поймешь, где есть фарватер, а где нет, угорь трехголовый!.. – в свою очередь орал Иван, пока наши герои перебирались по мосту на противоположный берег и подавались себе дальше.

* * *

Отъехали они всего с версту, как Конек внезапно остановился.

– Послушай, Иванушка, что ты там про девку красну баил? Что выручать ее едешь? Так к терему-то медному зачем пожаловал?

– А у тебя уши длинные, а ум короткий. Батюшка ведь только на словах добро дал, а сам вдаль зрит. Да только зрение у него – очки носить пора. Как поведал мне старичок-лесовичок один, что ты тут с молодцем каким-то вперед подался, так я и подумал, уж не батюшка ли соглядатая за мной послал. Вот и пришлось скоморошничать. А принцессы те, ну, что из царств подземных, – обратился царевич к Владимиру, – хоть и царских кровей, да с востоку.

Женишься на такой, и жди родственников. Приедут ордой, – все съедят-выпьют под чистую, да еще и с собой возьмут. В степях живут, кроме как лошадей да юрт каких-то, – не ведаю, что за зверь такой, – юрт, и нет ничего. Правда, биться мастаки – семеро одного не бояться. А коли что не так пошло – впереди всех драпают, пешего на скакуне арабском не догонишь. Ежели же еще и телегу с добром за оглобли прихватил – тю, ищи ветра в поле. Вот сам и рассуди, жениться на такой, али нет. А красота она что, с лица не воду пить.

– Зачем же им здесь терема построили? – удивился Владимир. – Если их все равно никто замуж не берет?

В разговор вмешался Горбунок.

– Ты, Ваня, все старым живешь, а земля слухами полнится. Восток – он разный бывает. Люди-то вот что сказывают.

Принцесса та, что в медном тереме живет, самой Хозяйки Медной Горы дочка. Вот и представь себе, что получит муж ее: окромя царства наибогачейшего – каменьев-самоцветов немеряно и руд медных хоть лопатой в сто рук гребь. Да еще теща, красавица-чародейка. Но в том-то вся и загвоздка. Больно строга и своенравна. Чуть что не по ней – по самые подметки в глыбу малахита – и вся недолга. Кому ж охота?

Про серебряную девицу сам знать должен. Помнишь, как новгородцы да белозерцы чудь белоглазую гнали? Племя то и землями бескрайними владеет, и рудников серебряных не счесть. А эти лапотники что? Их хлебом не корми – дай мечом с помахать, по делу и без дела. Вот и домахались. Чудь та под землю ушла, вместе с богатством своим. Поговаривают, что и по сей день слышно, как они под землей живут, переговариваются, песни поют. С такими-то богатствами отчего ж не жить? А ушкуйникам этим, рыбоедам, одни бабы каменные на горах и остались.

А золотое царство – одна столица чего стоит. Недаром Магаданом Солнечным прозывается. Кто побывал – сказки плетет, что, мол, глаз не оторвать, до того красив. Золото вокруг. Вот помыкаются-помыкаются по Руси, да обратно туда – больно золоту силушка великая притягательная дадена. А просторы там какие, а богатства земельные? Чем хошь торгуй – хошь водою черною горючею, хошь воздухом смрадным горючим, а хошь лесом – вовек не перерубишь. Пушнина, рыба...

Вот и смекай, для чего тут терема поставлены. А что тебе страннички, калики перехожие на ушко нашепчут... Так они как подопьют, у них семь верст до небес, да все лесом. Здесь же агитация наглядная. Вот, мол, женишок дорогой-названный, какая жизнь тебя ждет-поджидает. Что сыр в масле кататься будешь, что кот на маслобойне. Принцесс-то видел? Одна другой краше, такую любой за себя возьмет, да не про всякого пойдет. А ты – орда, орда... По старинке живешь, право слово...

* * *

Скоро сказка сказывается, споро дело делается... Стучат-перестукивают копыта, где травушку-муравушку примнут, где пыль приподнимут с дороги понаезженной, телегами побитой. А с беседой доброй и путь короче. Настала пора солнышку красному за моря-леса в терем свой небесный возвращаться, месяцу-месяцовичу порядок земле держать. Вот и стали путники наши на ночлег пристраиваться у опушки лесной, дерев закраины, возле ручейка звонкого.

Побежали-пожурчали огоньки по лапничку да по дровишкам, что Владимир с Коньком собрали пока царевич коня своего богатырского расседлывал, благо валежника валялось вдосталь. Веселее стало, как огонь принялся. Чего уж там, какие рожицы выписывает отблеск на лицах, да все переменчивые!

– Эх-ма, – протянул Горбунок, устраиваясь у костра, ну словно кошка легла – передние ноги под себя вобрал, задние набок, хвост вдоль тулова. – Кабы сейчас повечерять чем... Цельный день ведь росинки маковой во рту не было...

– А чего ж не повечерять-то? – удивился, присаживаясь, Иван. – Вот прямо сейчас и перекусим. Только вот скатерку-самобранку достану да расстелю. А эт-то мы мигом.

– Самобранку, говоришь? – недоверчиво протянул Конек. – И где же ты чудо такое заморское ухватил? Что-то я и не припомню, когда ostatним разом видывал. Погодь-погодь, – даже приподнялся он, когда царевич, вытащив из-за пазухи кафтана тряпицу, свернутую в узелок, бережно разостлал на траве и огладил ладонями. – Ты что ж, басурман, шутики строишь?.. Где это видано, чтобы кусок дерюжный за скатерть выдавали? Али посмеяться решил? Ни тебе росписи красной, ни тебе шитья златом-серебром...

– А ты не спеши, скоро хорошо не родится. Вот послушай, что с батюшкой моим приключилось. Поглянулся ему как-то раз немчин заезжий. Правду сказать, и мне он глянулся. Рассказчик, каких поискать! Такие пули лил – мое почтение. И все-то у него гладко выходило. Наш мужик-сказочник он что? Сказал – что медведя заломал, соврал – в три версты объезд. А немчин соврет, вверх глянешь – шапка свалится, а слово к слову подогнано – иглы не проткнешь. То он на Луну летал, про жителей тамошних баил, то про плаванья свои, как он острова сырные нашел, то клюквой его чуть не убило... Ну да не о том речь... Во-от...

Уж уезжать он собрался, в Неметчину свою, пир батюшка закатил горой, отпускать все не хотел, иди, говорит, ко мне в летописцы, историю царства моего писать. А я как представил: а нут-ка немчин согласится? Ведь понапишет же... Но тот ни в какую. Не поминайте, баит, лихом, а на прощанье я тебе, царь-государь, подарочек преподнесу. В странствиях, баит, заморских своих, довелось мне в славном городе Брюсселе побывать, там мне скатерку кружевную подарили, да не простую – самобранку. Вот тут она, в ларце. Только вот подарили с условием, что передаривать ее не с руки, а продать можно, хоть за грош ломаный. Ну, гроша ломаного мне не в надобность, не нумизмат, чай, а вот людишки твои дворовые поговаривали, ефимок у тебя золотой имеется, неразменный. Ну, такой, что хоть ты его хоть в корчме пропей, хоть за столом карточным оставь, он все одно к хозяину возвратится. Мне бы такой, нужен очень. Я ведь, грешным делом, страсть иногда люблю беса потешить. Случается – до исподнего. А так – и память о тебе, царь-батюшка, и польза кака-никака.

Поменялись они, а наутро, как уехал немчин, батюшка меня и позвал. Я ему, говорит, шельмецу, пятак медный неразменный вместо ефимка подсунил, все одно проиграет, с него станется. А мы в прибытке остались, смекаешь? Давай-ка мы с тобой отутренняем, капусткой да с огурчиками, а? Достал скатерку из ларца... Ох и лепота, правду сказать! Кружево витое, переплетено мудрено, тут тебе и корабль по волнам бежит, и берег морской, и город стенами из моря встает, и солнце, и месяц, и чего только нет... Расстелил ее батюшка, поахали мы на работу заморскую. Ну, да с лица не воду пить, махнул рукой батюшка, давай-ка нам, скатерка самобранная, для начала по огурчику соленькому, хрустящему, с ледничка, да капустки, чтоб с клюквою, тмином, пряностями индейскими, кваску по жбанчику...

Не успел произнести, как скатерка та – порх – и в окно. Только и видели, как бахромой плетеной помахала. Взъярился батюшка, объегорили, мол, подкузьмили, я с немчином по-честному, по-благородному, по-царски, одним словом, а он со мной шутики-прибаутки творить? Скатерку неразменную подсунил? Поймать, лиходея, да на кол! А где ж его поймашь? По нашим-то дорогам...

Погоревал-погоревал, да делать нечего. Не судьба стать... А только глядим, ввечеру, явилась – не запылилась. Влетает в опять в окно, и прямо на стол – шлеп! А на ней – батюшки-светы! – и впрямь, капуста с огурцами... Волнами вся ходит, пищит чего-то не по-нашенски. Батюшка – толмача. Тот и перевел. Так, мол, и так, говорит, аж из самого Брюсселя капусту

ту доставила, как ни есть брюссельскую. И огурцы оттудова же. А за квасом сей минут, вот только отдышусь, да слетаю...

Хотел батюшка попервоначалу ее на тряпки пустить, осерчал больно, топал, кулаками махал, а как в ухо толмачу съездил, вроде остыл маленько. Челядь-то глаза да рты поразевала, а потом за бока схватилась, гогочут, удержу нет. Но один из дворовых смекнул, что делать, что сказать. Есть, говорит, царь-батюшка, посад один, Ивановский, глухомань-глухоманью, а девки спорые живут. Ткать-шить мастерицы, супротив них в целом свете не сыскать. Ведуньи, одно слово! Вот ты б туда скатерку эту и послал, да злато-серебра на шитье, они б тебе и услужили. Почесал батюшка затылок, пораскинул так и эдак, рукой махнул. Делай, мол, что хочешь, хоть обратно в Брюссель пошли, только уברי ты орясину эту с глаз долой.

Сослужили-таки девки Ивановские службу царскую. Всю ту прелесть заморскую по ниточке-веревочке раскатали, да обратно и сплели по своему. Неказисто вышло – не беда, что ж с того? Зато и щи тебе мясные, и юшка наваристая, и пельмешки без спешки, и бок бараний с гречей...

– Так-таки без изьяну малого?.. – не поверил ему Конек.

– Ну, – протянул Иван. – Не без того. Недосол там, пересол, – дело обычное, житейное. Кто ж без греха?.. А отведай-ка пирожка с вязигой, – протянул он пирог Коньку, – с ушами съешь.

Тот единым махом проглотил солидный кус и остолбенело воззрился на царевича.

– Так ведь он того, не с вязигой, с грибами...

– Тоже не беда, с кем не бывает?.. Опять же супа с фазаном откушай, с приправами да картошечкой... Редкость. Из-за моря завезена, а очень к нашему климату пришлась. Поначалу невзлюбили ее, сильно животом маялись, как ботву варили... Бунтовали...

– Да ладно тебе рассказывать, – нетерпеливо перебил его Конек. – Картофеля твоего только ленивый не сажает. Редкость... Только смотри, чтоб без лука. Не люблю я его, слезу вышибает.

– Ну так окрошки возьми, – как-то слишком поспешно отодвинул Иван мису с супом к Владимиру и заменил ее новой. Владимир глянул. Фазана не было и в помине; зато плавало два здоровенных, прямо-таки огромных боровика и головка лука, размером с два кулака. Вздохнув, он запустил в суп деревянную ложку, прислушиваясь к перебранке сотоварищей.

– Какая же это окрошка – с лисичками?.. Ты сам поглянь, во, и во, и во... – Да нет же, желтки это, как есть желтки... – А это что по-твоему, как не груздь?.. – Так ведь белок яичный, белок... – Подберезовики, рыжики... – Картофель... – Луку-то, луку наложил, ложку не пропрешь... – Репа то... – Репа?.. – Ну одна головка и была, одна-единственная, сейчас я ее выйму... – А эта?.. – И эту выйму...

Очень хотелось Владимиру дослушать, чем дело закончится, но воздух чудо как свежий да чистый, ароматы травяные медвяные да пьянящие, стрекот насекомых ночных неумолчно-звонкий да убаюкивающий... Сморило молодца, пришел сон из семи сел, а дремота-лень из семи деревень.

Проснулся же он от того, что, казалось, насквозь мокрый Конек, должно быть в утренних росах катался, осторожно шевелил его копытом, приговаривая: «Вставай, подымайся, путь-дорога кличет». Поодаль Иван-царевич седлал коня, напевая: «Стой-постой, мой добрый коню, ось тебя я засупоню!» Вставать, честно говоря, не хотелось, а хотелось валяться на этой мягонькой... Владимир неожиданно вскочил и с изумлением огляделся. Все окрест, – и как только он вчера мог не заметить? – покрывал сплошной изумрудно-зеленый ковер. Стебельки переплетались, ласково прижимались друг к дружке, оглаживаясь-прихорашиваясь листиками. Да еще – вот чудо-то! – от давешней усталости и следа не осталось. Тело налилось чудесной легкостью и силой, вот бы сейчас кольцо в земле – так взял бы, да перевернул матушку-Землю!

– Что... как... не может быть... – изумленно пробормотал Владимир.

Конек с Иваном недоуменно переглянулись.

– Чего не может?

– Ну как... устал я вчера сильно... а это... сегодня...

– Так вот ты про што, – протянул Конек. – Чему ж удивляться-то? Ночку на траве-мураве пролежал, и удивляется.

– Мураве?

– Да как нравится, так и зови. Хоть горшком, только за ухват не берись. А коль не знаешь, так спроси. Стыдно должно быть, столько лет на земле живешь, а земли-то и не ведаешь. Травушку-муравушку всяк знать должен, потому, сила необычайная ей дадена.

Владимир еще раз взгляделся. Да нет, сомнений быть не могло. Траву эту только слепой не видел. Во всяком дворе ее пруд пруди, куда ни наступи – на нее попадешь. И – волшебная?

– Что, неказиста? Не глянется? Так слушай, что ведуньи да знахари бают. Траву эту и топтун-травой, и ведьминой травой, и травой-муравой именуют, а латыняне так те вообще, полигонум, говорят, авикуляре. Топтуном-то люди ее прозвали, дескать, куда ни пойдешь – везде ее полно, за ноги цепляется. Уж ругали ее, костерили вдоль и поперек. Обиделась на них травка. Ухожу, дескать, от вас, поминайте лихом. И ушла. Вся как есть ушла. А куда нонче бедному крестьянину податься? Подумала-подумала, сердешная, и поднялась на Лысую гору, что под Киевом. Там на шабаш ведьмы собираются, людишкам туда ходу нету. Вот и отдохну. Но промашка вышла. Слетелись ведьмы – батюшки-светы! – то горы их лысая была, что твое колено, а то вся в зелени, спасу нет! Озлились. А ну, кричат, вертайся да людишек за ноги хватай, а не то козлами-баранами стопчем да выедем. Правду сказать, этого добра у них что головастиков в пруде. На них и добираются на гору-то эту. Опять задумалась травка. Кому ж охота съеденным быть? Погоревала-погоревала, да и подалась в путь обратный. Ползет себе, думы горькие думает. Совсем уже было порешила в речку топиться, водорослем-тиною стать. Да человек ей добрый встретился, пригрел-приютит сиротинушку. А сердечко у травки отходчивое оказалось. Тем более что людишки как увидели, какие плечи на земле образовались, да как без листочков-то махоньких неуютно-некрасно стало, сами пришли в ножки поклониться. Так и там, мол, не по злобе ругались, по дурости своей. Ты уж вертайся, кто старое помянет... С тех пор и живет она рядышком, силу земли-матушки впитывает, да кормит ее человека-зверя разного. Болезни лечит, кто знает свойства ее целебные, но не всякому откроется. Любовью лишь за любовь платит.

Владимир присел и погладил листки-стебелечки. Так вот ты какая, травиночка-невеличка, всякому зрима да не каждому ведома...

* * *

Настала пора и нам слово обещанное исполнить, к травам сказочным вернуться, посмотреть, так ли они волшебны? А раз уж зашла речь о траве-мураве, с нее и начнем, пусть первой будет в нашей колдовской копилке.

Трава-мурава, она же спорыш, она же горец птичий. Используется в народной медицине многих стран: от лихорадки (Алжир), при нервном истощении (Австрия), для снижения кровяного давления, лечения туберкулеза, от чахотки и ушибов, при некоторых заболеваниях почек и печени.

Тирлич-травка, собираемая под Иванов день на Лысой горе, что под Киевом. Как считают чародеи, дает способность к превращению. Она же золототысячник, трава мудрого кентавра Хирона, которой лечил он раны героев. В настоящее время используется больше для улучшения аппетита.

Царские очи, что от суда несправедливого спасает, в любом деле помогает, жизнь семейную счастливой делает. Рослянка круглолистная, не только от комаров избавляет, но и от простуд, бронхита, туберкулеза.

Дягиль кудрявый (он же дудник лесной). «Кто ест ту траву, тот человек никакой не боится порчи; если пойдешь на пир – грызи этот корень хоть раз на дню всю неделю, и всякой боли избудешь; носи тот дягиль на голове – и люди будут тебя уважать». И его используют в разных странах: при неврозах и бессоннице (Польша), гастрит и ревматизм (Западная Европа), при кашле, зубной боли, жаропонижающее (Корея, Россия).

Сколько же их трав волшебных? Видимо-невидимо. Едва ли не каждая. Потому – не станем долее говорить о них – времени не хватит. Те же, кто загадки любит, пусть поищет, например...

«Есть трава Екумедис, растет на старых росчистках, собою мохната, листочки мохнатые ж с одной стороны, ростом в пядь. А кто ее ест порану – и тот человек никакой болезни не узрит...»

«Перенос трава, собою мала и темна, цвет ворон, а как отцветет, то с стручками, в ней семечки. Та трава добра от змей, и уж спит от нее, и всякая нечисть противится (ей) не может. А семя положив в рот, пойдешь в воду – вода расступится...»

«Есть трава Нукокея, растет по березникам, синя и пестра, листочки долгоньки, что язычки, а корень надвое, один мужеск, другой женск. А коли муж жену не любит, дай ему женск, – станет любить... а жена мужа не любит, дай ей мужеска... – станет любить...»

В помощь же им пусть будет книга Флоринского В.М. «Русские простонародные травники и лечебники», изданная в 1879 г. в Казани. Только помните: к каждой траве свой подход нужен, свое время, свой заговор...

* * *

– Ну что вы там мешкаетесь, не в болото, чай, попали, – позвал их Иван-царевич, уже сидевший в седле. – Чего стали как рак на мели? Аль травы не видали?

– А ты не гони, – тотчас отозвался Конек. – Скоро поедешь – не скоро доедешь. Прытко бегают, так часто падают...

И вновь побежала-повыюжила путь-дорожка. Где змейкой полевой, а где и прямоезжая. Долго ли, коротко ли – про то сказка ведает. Да только кончилась леса окраина, испугалась стежка открывшейся равнины, стала таиться-прятаться между холмами, тенью их укрываться. Казалось бы, ну что здесь такого страшного приключиться может? Ан нет, вот тут-то конфуз и случился.

Свернул проселок, лужа и обнаружилась. Лужа как лужа, ничего в ней особого, то ли после дождика в четверг осталась, то ли испокон века образовалась, преградила дорогу, на солнышке нежится. Неширокая-неглубокая на вид, какая преграда для коня богатырского? Вот царевич и не стал сворачивать, знамо, не царское это дело – лужи объезжать. Вот и подался прямо. А водица та грязь непролазную скрывала, по брюхо коню. Не обошлось, зная, без козней силы вражьей. Владимир с Коньком глазом моргнуть не успели, а Иван уже завяз. Да так аккуратно въехал – ровно вкопал кто. Въехал и стоит, как памятник самому себе, ни тпру, ни ну.

– М-да, – раздумчиво протянул Конек, обойдя его кругом. – Дела-а-а... Прямо как в народе говорят: из князи в грязи. Пошел по вязье, да и сам увязнул. Ума не приложу, что делать-то...

– Аль умом пообносился? – обидчиво заметил царевич, поняв, что без посторонней помощи ему никак не выбраться. – Мелешь, окаянный, всю дорогу, без умолку, ветряк не догонит. Вконец уболтал. Твоя вина, вся, как есть твоя. Тебе и думать, как с бедой справиться.

– Смотреть надо было, а то глаза, небось, на версту поперед тебя ехали. А еще к Кощею собрался. Тот тебя не то что вокруг пальца обведет, так угостит – нагишом домой пойдешь. Тут думай – не думай, все одно. Ишь как засосало... Без помощи не обойтись...

– Да где ж ты возьмешь, помогу-то? Кругом куда ни глянь – ширь полей да равнин русских, ажно дух захватывает... – повел руками царевич, словно в стремлении обнять кого.

– Видать, мухоморов на ночь много отведал, – мотнул головой Конек. – Даль ему посреде холмов помстилась. Ты поперед шири под ноги глянь, а раньше бы глядел – так и не встрял бы. Чего руками машешь, чай, не ворон ловить. Дорога-то колеей обита, знать, телеги частенько по ней ездят. Может, и деревенька тут где затаилась... Ты, давай, покричи слово свое волшебное, авось поможет. Только погоду, уши к земле приложу...

Гаркнул царевич от безысходности, во всю силушку легких гаркнул. Подождали несколько времени...

* * *

Конек как в воду глядел. Послышался неясный гомон, затем из-за ближнего пригорка показалась стайка мужиков, о чем-то перебранивавшихся и размахивавших руками. Одеты они были ни дать, ни взять статисты со съемок фильма-сказки. Домашнего холста порты, рубахи ладные, льняные, с вышивкой, свежие онучи, парадные лапти, легкие зипуны... У всех котомки на правом боку, у двоих за красными кушаками топоры, аккуратные шапочки на головах.

Ближе подошли, глянули, поклонились поясно.

– Здоров будьте, люди добрые. Далеко ли путь-дорогу держите? Не вы ли, часом, кликали? Что за хворь-беда приключилась? – как-то разом загомонили они, а Владимир, разинув рот, недоверчиво смотрел на них.

Двое возрастом помладше, едва растительность над губами появилась, трое постарше, средних лет, двое еще чуть старше. А молодцы – хоть сейчас в Преображенский полк. Кряжистые, крепкие, Вольги Селяниновичи, да и только. Вот только смурные немного, видать спали плохо, по причине комаров. Никак не мог Владимир в себя прийти, что не чудится ему все, не кажется, наяву видится.

– Иван я, сын царский, царевич, значит, царства Дванадесятого. К Кощею дело имею. А это вот Владимир, – и замялся, не желая, видимо, позорить товарища по путешествию «инженером» перед мужиками. – Из Москвы он, – наконец нашелся Иван, отводя глаза в сторону. – В Киев ему, к мудрецам. – И снова замялся. – Опять же, лошадь...

Конек свысока глянул на зардевшегося царевича, но промолчал и гордо отвернулся.

– Роман, Демьян, Лука, Иван и Митродор Губины, близнецы-братья, Пров, Пахом, потому как старшой по годам и разуму, – скороговоркой произнес на вид самый пожилой селянин, по очереди тыкая в остальных пальцем, последним задерживаясь на себе. – Так что за беда?

– Али сам не зришь? – накинулся царевич на Пахома. – Ехал прямо да и попал в яму. Ввалился, какмышь в короб.

Мужики снова нестройно загомонили, гурьбой неспешно обошли завязшего Ивана и столпились кружочком. И, как то обычно бывает, сразу же взяли быка за рога – перешли от частного к общему. Частная проблема, она частная и есть, ни славы от нее, ни поживы. Другое дело – общая. Общая – она от слова общество, стало быть, всему обществу важная и нужная. А раз так, тут не до частных. В общем, забыли мужики про Ивана. Начисто забыли. А про яму – нет.

– Засыпать ее надоть... Кум что говаривал, дня не проходит, чтобы кто в эту ямищу распроклятую не влетел...

– Так нельзя же засыпать-то, с живым человеком? Достать сперва надо...

– Как же ты его достанешь, коли не засыпал сперва?..

– Да ты погодь, погодь, ежели бы я поначалу засыпал, он бы и не утоп?..

– Утоп – не утоп, про то бабка-ворожея ведает. Вон, Ермолай-мельник, шел себе улицей, да и наступил на грабли. Откуда, спрашивается, им взяться? Сам же и потерял. Так и тут. Может, на роду у него написано, где воробью по колено, там молодцу по пояс.

– Да ты погодь, погодь...

Ну а уж от «да ты погодь, погодь» до «ужо постой!» рукой подать. И как, скажите на милость, после этого не возникнуть драке? Сцепились вроде Лука с Иваном, остальные разнимать полезли, вот тут-то и началось. Потеха приключилась, не из лихости неумейной, не из чувства острого за обиду неправую, – из желания единственно мир учинить.

– Слышь, мужики, погодите... Ну нельзя же так... Да погодите, что скажу! – надрывался Иван-царевич. Он явно не прочь был принять участие в миротворении, только вот болотина не пускала.

А те и не слышат – заняты. То один вылетит из кучи-малы, то другой; шмякнется на землю, посидит, головой повертит, смахнет рукавом под носом, и давай обратно в потасовку, замирать.

– А ты, молодец, не желаешь поразмяться? – обратился Конек к Владимиру, и, заметив отрицательный жест последнего, заметил: – Твоя правда. Им человека из беды вызволять надобно, а они потеху устроили. Чисто дети малые. Теперь раньше полудня не жди. Знамо – на полдни обед...

И, словно вняв Коньку, драка постепенно пошла на убыль, а затем и вовсе сошла на нет. Мужики еще некоторое время попереругивались, вяло попихивая друг дружку со словами: «А ты хто такой?», после чего, совсем уже утихомирившись, вновь гурьбой подошли к луже.

* * *

Вот тут-то мы и остановимся, поговорим о боях кулачных, забаве исстародавней народной. Уже Нестор в своей Повести упоминает об этой «забаве», называя ее «бесовской». И вправду, как не боролись с ней... Кстати, кто? Ну, во-первых, церковь – погибших в кулачном бою запрещалось отпевать и хоронить на кладбищах. Во-вторых, государство – см., например, Указ от 24 дня 1726 г...а все не в прок, говоря словами И.А. Крылова.

Да и что может быть хорошего в драке? «Как скоро противники станут друг против друга, то немедленно начинается кулачный бой. И в короткое время бойцы до того остервеняются, что поражают своих противников руками и ногами в лицо, живот, грудь и другие чувствительные места (называемые нашими предками причинными местами – вот и говори после этого о честном поединке, если разрешены удары ниже пояса!). Нередко бывает, что ногие бойцы лишаются жизни на месте боя, а победители приобретают от всех похвалу и одобрение». Так пишет в своих заметках о России барон Герберштейн, оказавшийся случаем в гостях у великого князя Василия Ивановича.

И что же? А вот что.

«Когда начинаются кулачные бои, на них сосредоточивается внимание всего населения. Бросается общественное дело, бросается всякая работа по хозяйству дома. Член Правления Губкредит союза А.И.Быков рассказывал мне, что как-то на мяслянице ему пришлось быть в Большой Верейке по служебной командировке. Собралось порядочно народа, но перед самым открытием заседания все вдруг поднялись и стали выходить.

– Куда же вы, товарищи? – обратился к ним, ничего не понимая, А.И.Быков.

– Как куда? А у нас же сегодня кулачный бой, разве не знаете? Сейчас начнется, – удивленно и обиженно заявили члены собрания, и все как один поспешно оставили зал заседания. Собрание, конечно, не состоялось».

Еще? Пожалуйста.

«...мы немедленно отправились в здание старой школы, где назначено было организационное собрание по открытию мелиоративного товарищества. Нас ожидали, но собралось всего человек двадцать.

– Почему же так мало? – спрашивает Пашкевич собравшихся.

– Да немножко не во время собрание то, – отвечают крестьяне. – Вот пройдут бои, тогда придут записываться. Интересуются товариществом многие, дайте только боям пройти.

Собрание прошло быстро, скомкано, в надежде, что все детально разберется потом, на свободе, после боев. Бывшие на собрании крестьяне чуть не каждую минуту смотрели в окна на двигавшиеся теперь уже довольно густые толпы кулачников, стягивавшихся все к тому же Подгоренскому мосту. По окончании собрания все присутствовавшие поспешно записались в члены мелиоративного товарищества... после чего все участники собрания чуть не бегом направились к месту боя...»

А дальше что? А вот что.

«Высокие, здоровые, уже немолодые бородачи, у которых руки были как оглобли, кулаки по доброму горшку, они били по чем попало, стараясь свалить противника с одного удара, чтобы он лягушкой распластался на снегу, и от их ударов уже несколько человек выбыло из строя и окровавленные, с разбитыми лицами, выползали кое-как на четвереньках из толпы на простор. Тут на свободе они отлеживались прямо на снегу, приходили в себя и некоторые поднимались и снова бросались в бой».

Чем же «сердце успокоится»? А вот чем.

«По окончании боя многие... разъезжаются по домам с поломанными ребрами, с выбитыми и подбитыми глазами, оглушенные на одно или на оба уха от разрыва барабанных перепонок, и чем больше таких искалеченных людей дает бой, тем больше он возбуждает разговоров... а если в результате боя бывает одно или два убийства, то эти случаи входят, так сказать, в летопись данного села...»

Это с одной стороны. А с другой...

«Сами бойцы о своих членовредительствах рассказывали с шутками, восторгаясь только что закончившимся боем, который в этом году, по их словам, особенно удался. Каждый теперь на свободе рассказывал кого он ударил, кто его ударил и как ударил. Рассказывал страстно, с увлечением, как охотник о том или ином инетерсном случае на охоте, как спортсмен».

Вот и пойми ее, загадочную русскую душу... Кстати, не забыть, материал взят из «Известий Воронежского краеведческого общества», 1925 г., № 3,5,6; статья Г.Н.Фомина «Кулачные бои в Воронежской губернии».

* * *

– Вот что, мужики скажу, – начал Пахом, – потому как старший. – Нос у него распух и цветом стал – ну что твоя слива. – Делу время, потехе час. Ежели, скажем, дождь пойдет, не к ночи буде помянуто, совсем пропадет царевич-от. Давайте-ка, Роман с Демьяном, в село дуйте, где кум Романов живет, ведите-ка сюда Ивана меньшого, разумом большого. Может, он чего путного присоветует. Не пойдет – под микитки ведите. А остальные – геть до лесу, тащите ваги, да потолок. И живо мне, одна нога тут, другая там.

Глянулись меж собой мужики, плечами пожали, мол, дело Пахом говорит, обмишурились, да и подались, куда сказано было. А старшой, – чего понапрасну ноги бить? – прилег на травку рядом с Коньком.

– И давно вы так-то вот? – спросил Конек.

– Да за сегодня пятый раз ужо, – Пахом осторожно потрогал нос. – Вот ведь окаянные, кажинный раз по сопатке норовят.

– Чего ж не поделили? Отчего пря-то?

– Видишь, кум Романов позвал баньку ему срубить. То есть сруб он уже сам поставил, тот осел, пора перекладывать. А одному несподручно. Потому – без головы мужик, меры не знает. Баня размером получилась, что хоромы княжеские. Под стать котлу... Но о котле потом. Так вот. Мы и подрядились, как не помочь всем обществом? Тем паче – в деревне живем по соседству. Меду наварил. Знатного. С него и началось. То есть как? А так. Колышками место обозначили, где класть – отметили, пометили бревна, ну, в каком порядке класть, – отметили. Вместо пары дней неделю ставили. Вот раз вечеряли, кум Романов возьми и расскажи про сельчанина ихнего, Козьму Скоробогатого. Как поимел, мол, Лихо, так житья ему совсем не стало, даром что мужик тороватый. Ну да после про Козьму.

Вопрос, казалось бы, нехитрый вовсе: кому на Руси жить хорошо. Ан нет, у каждого свое мнение особенное объявилось. Сам посуди.

Пахом сорвал травину и принялся ее жевать с задумчивым видом. Царевич тем временем навестрил уши.

– Роман, тот сразу за посадника горой стал. За городничего, то бишь. Чем жизнью обижен? Князем поставлен, перед князем и ответ держит, никому иному в ножки не кланяется. Как в народе говорят? Посадское брюшко отрастил. Посадское дело поясом крепко, ну, понимай, чтоб брюхо не лопнуло. А я так скажу: неровен час ошепчет кто? Пошлет князь ревизора, тот всю поразнюхает-повысмотрит, не представившись, по-аглички, да и доложит, как самому надобно, коли в цене с градоначальником не сойдутся. Вот сам и решай, кто главней, ревизор али городничий. Потому жизнь у посадника, скажу, что на бочке пороху.

Демьян же за тиуна огнищного вступился. Тот, говорит, всем житным людям голова. Судит-рядит по чести – по совести. Все законы ему ведомы, как хошь растолкует. Ну да каждый крючок свой кусок ловит. Шапку перед ним ломают, на все праздники в красный угол зовут. Рожа – на лошади не объедешь. Одно плохо, на всех не угодишь. Вот, случай рассказывали. Нашли как-то два мужика кошель с деньгами. Разодрались, как водится, поделить не могут. К огнищному отправились. За ними народ – глянуть, как судья дело решать будет. Тиун и спрашивает, мира промеж себя, мол, хотите? Те в один голос, хотим, как не хотеть. Коль разделю по совести да примирю обоих, перед всем народом спрашиваю, обиды таить не будете? Переглянулись люди, зашептались. Что это с тиуном, да кто ж на суд такой обиду затаит? Так вот, говорит, решение мое: деьги мне сейчас нужнее вашего, и ступайте себе по домам. А калиту в карман положил. Мужики оторопели, затем глянулись и порешили в оборот его взять... Не тут-то было. Я, говорит, по совести решил? По совести. Примирил? Примирил – оба согласно в кулачную лезете. Чего ж вам еще надобно?... Народ за бока похвтался. Суд, кричат, по форме – судей и кормит. Ты скажешь – чем не жизнь? На глазах у всех из сапог в лапти переобул... Так ведь сказал слово поперек посадника, едва головы не лишился. Имение описали, в ополчение забрали.

Вот Лука – тот волхвов сильно уважает. И то сказать, кто первый колдун на селе? Ни тебе свадьбу сыграть, ни тебе пахать-сеять, ни друго како дело без него не обходится. Кто косою махать, а мы волхвовать. Все обо всех знает. Вот и кланяются ему кто чем может: снедью там всякой, а кто и денежкой. Попробуй не поклонись, со зла и порчу наслать может. Ан и у него житышко-то не очень. Все, небось, слышали?... Как Олегу-князю волхв один напредсказывал? Тот к нему с душой, по-человечески, так мол и так, я кукушкам не верю, а ты знахарь бывалый, тайны тебе ведомы, так и скажи, сколько мне еще землю матушку собой украшать. Порадуешь предсказанием, и я тебя уважу. А волх, правду сказать, недалекий попался, опять, может, съел чего-нибудь. Возьми да и ляпни: как только конь твой помрет, так и ты следом. Осерчал князь. Ату, кричит, его, окаянного. С неделю денно-нощного гоняли бедолагу, аки зайца. Не споймали. На Дон, люди говорят, подался, с обиды-то.

А Губины братья и того хлеще. Купцу, гомонят, лучше всех живется. С одной стороны глянуть – вроде так оно и есть. Хоромы купеческие с теремами каменными за версту видать. Лавок с товаром красным не перечесть, ладей белопарусных не изведать, почет-слава по белу свету гремит. Да и кто не слышал хоть о Садке новгородском, о Никитине Афоньке, что за три моря хаживал? Ну а ежели с другого боку подойти? Случись чего и пожалуйста: едет купец из Саратова, бороду гладит, а денег нет. То людишки лихие по лесам, по логам схоронились, да возы отбили, то ушкуйники по рекам-волокам созорничали, то с товаром не угадал – торговал кирпичом, да и остался ни при чем. Недаром говорят: купец, что стрелец: попал, так с полем; а не попал, так заряд пропал...

Пров за князя-царя вступился...

– Чем же это тебе князь не угодил? – грозно спросил царевич. – Аль крамолу измышляешь?

– А то и замыслил, что житье-бытье царское вскм только с парадного крыльца ведомо. Царям же, по мнению моему, за работу их неблагодарную молоко бесплатно за вредность давать надобно. Всяк иной государь на его место норовит, даже самое залегающее, себе землицы прибавить желают. Вот и получается: с сильным замиришь, слабому попускай, не ровен час, с кем другим слабым сговорится. Правда ли нет, не ведаю, да только про всяких там иноземцев говорят, цари у них больно не живучи. Поправит-поправит, плюнет, и в пустыню, а то путешествовать. Надоели, мол, хуже горькой редьки, сами разбирайтесь. Это они, кстати сказать, боярам своим, подданным то есть, те совсем жалобами своими да претензиями житья не дают. Всем же батюшкой не будешь... Семейной жизни и вообще нету. Ни тебе по любви жениться не может, как третий сын – так дурак-дураком. Так и суди сам, хорошо ли князю ему али плохо...

Пахом замолчал, сунул в рот другую травину.

– Ну а сам-то ты про кого думаешь? – спросил Конек.

– Думаю?.. – удивился Пахом. – Да я не думаю, знаю. Ну конечно же боярину думскому.

– С чего это?..

С мужика разом слетело самодовольство.

– Как же... Ужель не видишь?.. – с места в карьер загорячился он. – Сидит себе в палате думской, бока-бороду поглаживает, кивает согласно – и все недолга. Главное, знать что князю по душе и поперек слова молвить не мочь. Сказал князь: «Пойдем половцев бить!», наморщить лоб, просветлеть и важно молвить: «Да-а-а-а, вестимо, бить пойдем, отчего ж не побить». А ну как передумал, замирился, мол, опять-таки важно: «Да-а-а-а, вестимо, замирился, отчего ж не замирился».

– Так зачем дума нужна, коли она все время соглашается? – не понял Конек.

– Вот тебе и на, – удивился Пахом. – Кто ж говорит, что все время. Они заранее промеж себя договариваются, кто соглашается, а кто сомневается. Те, кто «за», уговаривают тех, кто «не уверен», а в итоге все по-царски и выходит. К слову сказать, все друг с дружкой так или иначе родством повязаны, со стороны туда ходу нету. Один за одного горой стоят. Иначе нельзя. Наказать кого – это что ж получится, и остальных можно?.. – Мужик неожиданно оборвал нить рассуждений. – Тут кум возьми да и скажи: чем попусту лаяться, не лучше ль подраться? В шутку сказал, так просто, не со зла. Так мы ж за чистую монету совет тот взяли...

Пахом снова осторожно потрогал нос.

– Вот ведь пакость какая.

– А что ты про яму-то начинал, про котел? – спросил царевич.

Мужику торопиться было некуда.

– Баба тут стояла, каменная. То ли половцы поставили, то ли латыняне, кто ж его знает. Полезная баба была, не смотри что без рук. Для разъезду полезная. Вот едут навстречь две телеги. Телеги две, а дорога одна. Смекаешь? Один другому в жисть не уступит. Это ж слезать надоть, волов оборачивать... Здесь и разъезжались. Кто справа, кто слева... Так он и ее

приспособил. Я, говорит, аккурат посеред двора фонтан выкопаю, и ее поставлю, пускай как в Европах будет. Пора нам, говорит, в Европы окна рубить. Выкопал он ее, под ней котел чугуновый и обнаружился. Обрадовался Иван Скоробогатый, еще больше, говорит, разбогатею, второе стадо коров прикуплю. Уволоку все к себе, яму не засыпал, а колеи дорожные сровнял, из двух одну сделал, мол, испокон веков так было. Кум Романов тут и подсуетился. Ты бы, говорит, дело доброе сделал. Продал бы мне котел-от, для баньки. А Иван, правду сказать, мужик незлобивый да некорыстный шибко. Прикинул он, на сколько ему клада должно хватить, да и говорит: бери, говорит, даром. Я, мол, не боярин, шубу с плеча пожаловать не могу, а чугун забирай. Вот сейчас занесем ко мне в дом, он, к слову, на двух быках до двора его пер-то, и как только на воз взгромоздил, ума не приложу, занесем, ты выйдешь, я опростаю, да тебя и позову. Тогда и забирай. На том и порешили. В общем, поперли они котел. А тот, вот не сойти с места, пудов в двадцать...

– Так уж вдвоем да двадцать пудов потащили? – усомнился Иван.

– Как на духу говорю, как есть двадцать, чтоб онучи расплелись, ежели хоть на фунт приврал... Прут, пот с них, хоть сейчас солеварню ставь, – продолжил рассказ Пахом, заплетая правую онучу. – Да и зацепились крышкой за косяк, вишь, снять-то ее и не подумали. Оно и правильно: чего второй раз ноги бить... Слетела крышка, накренился котел, из него и выпал... Кто б, вы думали? Мужик!.. Здоровый, что твой сарай... Рыжий, морда наглая, сам в рубахе красной, атласной, расписным кушаком подпоясанный, в сапогах с хрустом... У этих глаза на лоб да рот нараспашку. Поднялся мужик, отряхнулся, глянулся – и к куму. Тот как подумал, что эдакий-то боров в лоб сейчас за обиду приварит, нырнул под котел и задал стрекача. Онова чугун унес, даром что вдвоем карячились. Так до самой хаты и драпал.

– И Иван что? – полюбопытствовал Конек.

– Не замай. Не любо – не слушай, а... м-м-м... Уж не знамо, что там промеж Ивана да мужика того вышло, Скоробогатый с той поры все больше помалкивает да ревмя ревет, аки белуга, в три ручья. Гость-то Лихом оказался. Пристроился на печи, корми-пои его... За что? Ну вроде как спас, вторым родителем значаца стал. Вот с той поры и пошло-поехало, запрягать не надо. То справный мужик был, Иван-от, хозяйством, а тут... Чуть не каждый день – проруха-наказание. Репа удалась – всю кроты обобрали, подсолнух взялся – вороны повывклевали, зайцы всю капусту да морковь как есть извели, да еще медведь пришел по ульи – под чистую выгреб... Да где же эти лодыри?.. – неожиданно вскипел он. – Их только за смертью посылать!

И словно укоризной его словам неразумным, сторяча сказанным, показались лодыри. Четверо тащили два здоровенных длинных бревна, двое – оглоблю, на которой болталось посередине что-то крупное.

– Не пойму что-то, разве ж я их на охоту посылал?.. – пробормотал Пахом.

Роман с Демьяном приблизились и грохнули оземь мешок, в котором что-то шевелилось и невнятно подвывало, а также два ведерных жбана.

– Ну и где вас нечисть носила? – напустился на них Пахом. – Пошли проведать, да и остались обедать? Так, что ли? Что это приперли? Где Иван?

– Так ты это, Пахом, остынь, погоду ругаться-то, – развел руками Роман. – Все как есть принесли. Что заказывал. Давай-ка, подсоби мешок развязать...

Из мешка вывалился облепленный какой-то соломенной шелухой мужик, глянул невидящим глазом, помотал головой.

– Пахомушка, родненький, вот уж не чаял встретиться. Думал, исхитили супостаты... Дай я тебя обლობызаю, – потянулся он к старшему, раздумал, улегся на бок и захрапел.

– Как же это... – пробормотал непонимающе Пахом. – Да что же это... С утречка, как уходили, здоровый был. И где ж он так подгулять-то успел, а?

– Давай все по порядку, – обратился Роман к Демьяну, – у тебя слово за слово вперебой идет, а у меня за каждый плетень цепляется.

– А чего давать-то, – протянул Демьян. – Пришли мы, значит, к хате Ивановой, а его и близко нету. Мы – к куму Романову. Так, мол, и так, беда приключилась, помощь надобна, где мудреца нашего сыскать? Кум и отвечает. А он, говорит, с Иваном Скоробогатым сговорился, что Лихо с его хаты сведет. Подчистую. Словно и не было. Тот ему чего только не сулил на радостях, клялся всю жизнь за батюшку родного держать, хозяйства-богатства разные... Да и спохватился. Как же ты, говорит, изведешь напасть-то? Чай, не таракан. Иван и поведал думу свою. Я, отвечает, его перепью. Как есть перепью. Угощу-ка я его медом хмельным, а там и об заклад побьюсь: кто первый с ног свалится, тот просьбу супротивника должен исполнить. Любую. Понятно? Чего ж тут непонятного, говорит бедолага, очень даже понятно. Да только как же ты его окаянного перепьешь? Он ведь тоже не лыком шит, не из бревна делан. Балда ты, Иван отвечает, как есть балда. Целиком. Помнишь Василису Премудрую на пиру? Не столько пьет, сколько мимо льет, то в рукав, то под стол. А как под столом озеро образовалось, рукавом-от махнула, так и радуга тебе появилась, и лебеди поплыли... Ну, да дело это нехитрое. Там гостям что лебеди, что цапли – уже все одно было... А справишься? усомнился Иван. Отчего ж не справиться, говорит, двух воевод накормил, так неужто одно Лихо не напою?... Взял ведро меда, подумал-подумал, второе прихватил, да и отправился...

– Ишь ты, чего удумал, – покачал головой Пахом. – Ну-ну... Как сам он – вижу, а лихо-дей-то что?..

– Не запрят еще, не нукай, – почесал бороду Демьян. – А давно, кума спрашиваем, биться пошел?.. Так уж, почитай, отвечает, часа четыре как минуло. Неужто, ахнули мы, не сдюжил, одолела его сила вражья? Как же, говорит, одолела, аль не слышите?.. Переглянулись мы, не пойдем, чевой-то. Прислушались. Батюшки светы! А с дальнего конца села песня разудалая несется, в два голоса, да звонко так... Мы – туда. Где под тыном, собачкой малой, где на цыпочках, от колодца к забору, добрались, одним словом. Выглянули остороженько в ворота открытые. Глядим – глазам своим не верим. Примостились двое поединщиков на крылечке резном, обнялись, ковшами размахивают, песни поют. Да красно так поют, ажно слезу вышибает. Тут и Роман не стерпел, щас, говорит, спою, а как про ворона черного затянули... Еле утихомирил. Ну, в общем, чего долго воздух-то молоть? Обошли мы избу, значаца, с тылу, ждем, когда Ивана по нужде потянет. Мешок с тына соседнего стянули, оглоблю опять же... Так и обротали молодца. Прихватили у кума пару жбанов, с медом да с квасом ледниковым, да бегом сюда... Вот и весь сказ.

– Да-а-а, – протянул Пахом. – Яснее солнца ясного сказ твой. Небось, дальше кума и не ушли... Ну а вы, робятушки, – обратился он к остальным четверым, бросившим свои бревна еловые опричь Ивана и с недоверчивыми улыбками слушавшими рассказ Демьяна, – пошто задержались? Постой, постой, и уходили – с двумя топорами, а вернулись с одним. Что за чудая такая приключилась?

– Лешой попутал, как на духу говорю – лешой, – нехотя отозвался Митродор. – Только подошли мы к леску тому, да к дороге Муромской...

– Какой такой Муромской? – удивился Пахом. – Муромская – она в верхнем миру, что ты мне тут плетешь?

– А так Муромская. Три сосны при ней. Вот ежели пойтить по ней на восход, непременно в Тмутаракань угодишь. Там небо с землей сходится. Так ты прямо-то не иди, в ворота, а сверни да в калиточку. Тут тебе и мир верхний откроется...

– Сам удумал? – поинтересовался Демьян. – Али подсказал кто?

– Чья бы корова, – огрызнулся Митродор. – Иди вон народ уху варить учи. Мне купец заезжий рассказывал...

– Погодь, погодь, опосля про купца врать будешь, – осадил его Пахом. – По делу молви.

– Так я и говорю. Три сосны – оно примета верная. И все три на заглядение, сухостой, а крепкие на вид, что твой шлагбаум. Мы во мнениях и разошлись, какие две из трех взять, а какую оставить...

– Вот непутевые! – всплеснул руками Пахом.

– Да чего уж там, помирились... Лешой, вернее, и примирил. Ну, тот, который и топор... того... В общем, вышел он на шум из-за дерев, да и говорит: вы, говорит, ребяташки, мне сейчас все зверье пораспугаете. Давайте-ка я вас рассужу. Взял он топор один, Прову протянул. Метай, мол, его подальше, со всей силушки. Кто первый найдет, тому первое слово, кто второй – второе... А остальные уж не взыщите. Пров и метнул. Не в чисто поле, а в чащу лесную, да не со всей силушки, а со всей дури своей непомерной... Только мы было искать, – засомневались. Как же это второй найдет, коли первый уже нашел?... Мы – к лешому, разъясни, мол, а того уже и след простыл. Туда-сюда, потыкались-помыкались, делать нечего. Срубили две лесины...

* * *

А вот что касается трех сосен: Казалось бы, и песня есть, и сосен в Муромских краях видимо-невидимо, а легенды, с ними связанной, не нашлось. Как ни странно, даже известное всем выражение «в трех соснах заблудиться», также не имеет хорошего объяснения своего происхождения, хоть и встречается оно даже в солидном труде М.И. Михельсона, изданного в 1896-1912 гг., «Ходячие и меткие слова». За исключением цитат из М.Е. Салтыкова-Щедрина, где три сосны связываются с пошехонцами, нет источника, к которому можно было бы отнести возникновение данной поговорки. Более того, даже в анекдотах о пошехонцах, собранных и изданных Василием Березайским (кстати, пользовавшимся популярностью и неоднократно издававшимся), анекдота о соснах нет.

Неужели же так и останемся без какой-нибудь муромской легенды? Может быть да, а может быть и нет. Есть, как нам кажется, сказка-быличка, языком своим да содержанием очень хорошо передающая первозданную прелесть этого края. Нам кажется, а вам решать.

* * *

«... Могучи и темны вековечные леса вокруг древнего города Муром. Живет в них зверье непуганое, хитрости человеческой никогда не знавшее.

Идет через муромские леса широкий царев тракт. А от него ныряют в дремоту буреломов заросшие бурьяном стежки-дорожки. Кто их протоптал? Куда ведут они? Никто не знает.

Но... Чу! Стук копыт по старой дороге. Всадник. Ветки хлещут по шапке собольего меха. Поворот, другой... Замерцал вдруг в чаще огонек. Цок-цок – вынес измученный конь на поляну, к черному от старости домику.

Спрыгнул с коня добрый молодец. Тишина кругом, собака не залает, не скрипнет колодезный ворот...

– Эй, хозяева! Принимай государева человека на постой! Заплутал я...

Отворил ему дверь старичок в потертом егерском мундирчике, свечой дорогу осветил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.